

НОВАЯ ПОЛЬША 3/2006

Содержание

1. ПРИШЕЛЬЦЫ НА СЦЕНЕ
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. ЦЕРКОВЬ В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПОЛЬШЕ (1945–1990)
4. МУЧИТЕЛЬНАЯ ПРИВИЛЕГИЯ БЫТЬ НЕ ТАКИМ ГЛУПЫМ
5. ВЕРНОСТЬ КРИТИКА, НЕБЛАГОДАРНОСТЬ ХУДОЖНИКА
6. ДВУХГОЛОСЬЕ
7. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
8. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
9. СООБЩЕНИЕ ИНСТИТУТА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ ПО ВОПРОСУ О КАТЫНСКОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ

ПРИШЕЛЬЦЫ НА СЦЕНЕ

Пролог

27 летний Саша Родионов, автор знаменитой драмы «Война молдаван за картонную коробку», поставленной в Театре.doc, в течение четырех дней готовит вместе с польскими актерами театра «Ad Spectatores» («На зрителей») спектакль о русских и украинцах во Вроцлаве. Будущий спектакль они называли «Ночь с Дос».

— Здравствуйте... Наш спектакль создается на канве подлинных событий. Мы вырвем героя из мира и поставим его на сцену. Актеры будут говорить его языком, со всеми запинками, ляпами. Мы приехали показать русских и украинцев, живущих рядом с вами — здесь, во Вроцлаве. О чем мы их будем спрашивать? А вот о чем: «Почему ты живешь в Польше? Каков был твой первый день здесь? Что тебя больше всего смешит в поляках, а чего ты в них не выносишь? Должны ли русские рассчитаться за Катынь? Встретился ли ты с агрессивным отношением поляков?» Завтра отправляемся в город.

Сцена I.

Комплекс России

Сорокалетний музыкант Саша Худобин, отец двоих детей — регент в православной церкви, записывает пластинки с литургическими песнопениями, пишет музыку для театра. Он сосредоточенный, несмелый, говорит тихо и долго взвешивает слова.

— С какими трудностями встречаются русские в Польше?

— Ну-у-у-у, например, я не могу получить кредит... без польского гражданства. Кроме того, когда еду за границу, а с хором я езжу довольно часто, то трудно получать визу. Были трудности и с детьми. Обучение дочери в Медицинской академии стоит 17 тысяч злотых в год — столько я платить не мог и начал хлопотать о натурализации. Тогда я узнал, что польское гражданство могу получить, если откажусь от российского. Написал письмо президенту Квасневскому. Сомневаюсь, чтоб оно попало прямо к нему, но рассчитывал на его чиновников... и Господа Бога. Письмо у меня тут, в

компьютере... могу прочесть... — подходит к компьютеру, кликает мышкой, но письма найти не может, — ...прочту вам попозже.

— Где ты получил музыкальное образование?

— Сначала в консерватории в России, а потом запрыгнул здесь на два последних курса.

— И как ты себя чувствуешь в роли сорокалетнего студента?

— Отлично! Познакомился музыкальными кругами, чувствую себя моложе, группа у меня замечательная. Немного научился смирению, а то вначале задавал преподавателям вопросы, на которые они не могли ответить. Подозреваю, что не знали ответа. Ну и через несколько дней пришел мой знакомый, тоже преподаватель, и говорит: «Саша, умоляю, помолчи на занятиях, хватит того, что ты на них ходишь!» Когда добрался до дипломной работы, начались трудности: я польский не так уж хорошо знаю. Это был настоящий ужас! Но что делать — научился писать.

— Видишь ли ты разницу между уровнем польских и российских преподавателей?

— Да, разница огромная! Тут студенты все время жалуются, что профессура глупая. А я им говорю, что даже от самого глупого можно научиться: не делай так, как он.

— Почему ты решил остаться в Польше?

— Я приехал на год управлять хором, а епископ мне говорит: «А почему на год? Надо забрать жену и дочку — а ей тогда семь лет было, — и тут поселиться». Сын у меня родился уже в Польше, сейчас ему девять лет, дочке двадцать первый пошел. Дома мы стараемся говорить по-русски, но идет такая смесь, что у нас выходит русское эсперанто.

— Сталкивался ли ты с неприязнью поляков?

— Иногда слышу неприятные замечания, но стараюсь не волноваться. Может, это странно, но я уже потерял свой берег, живу здесь уже 12 лет... Для вас я русский, а для них — чужой. Даже анекдотов их не понимаю...

— Какими ты видишь поляков?

— Вы очень поддаетесь тому, что говорится в СМИ. Этот искусственно навязываемый вам европеизм... Если вы не

опомнитесь — потеряете свой облик! Когда-то в России хорошо знали польский театр. А теперь? В польско-российских отношениях виден только уровень властей.

— Как ты оцениваешь поведение Путина в отношении Польши?

— Мне было неприятно, что Путин обошел Польшу, когда праздновали День Победы в Москве. Но одно дело власть, другое — народ. Проблема малого народа — его комплексы. Думаю, у вас комплекс России.

Сцена II

Капелька вина

Православная церковь на улице св. Николая во Вроцлаве. Отец Александр сидит на стуле у столика и рассказывает о своей работе с заключенными. Напротив него — актеры, режиссер, драматург и переводчик. Один из актеров включает камеру.

— Уже 14 лет как я работаю в следственной тюрьме, — говорит батюшка. — Для русских заключенных приход священника — это связь с семьей, напоминание о добрых старых временах, когда они жили на родине... Когда я праздную с ними Пасху, то приношу им просфоры, кулич, яйца и, что для них самое главное, красное вино. Капелька вина позволяет им вернуться к самым своим корням: вот они сидели бы в семейном кругу, пили бы это вино, радовались бы празднику — а должны сидеть здесь. И бывало так, что они плачут, я плачу...

— А кто тут сидит? Рядовые русской мафии?

— А кого только нет! Когда я однажды разговаривал с сыном русского дипломата, то воспитатель меня просил держаться не ближе метра от него, потому что он очень опасный. Теперь он сидит в Воровской тюрьме, получил 24 года. Он мне рассказал, как оказался тут. Какие-то люди вели слежку за его машиной. Ну он кружил в машине по Еленей-Гуре, доехал до какого-то парка, внезапно остановился, подошел к ним: «Чего вам надо?» — тут же вынул наган, бах-бах, пятерых убил, и с концами... Сразу видно, что у человека никаких угрызений совести. Потом оказалось, что за ту машину, на которой он ездил, кто-то им раньше не заплатил. А он вышел, бах-бах... И всё.

— Вы всегда знаете, кто придет на встречу с вами?

— Я никогда не спрашиваю воспитателя, чт? у них в деле, потому что иногда это ужасающе... У меня такой принцип: никогда не интересоваться делом. Я получаю человека и должен

его вылепить, чтобы он, войдя сюда дурным, вышел хоть чуточку лучше. Но хорошим редко кто выходит. За 14 лет моей работы только двое, выйдя, сказали спасибо.

Сцена III

В капиталистической стране

Маленькое кафе на Рыночной площади. Артисты расселись вокруг 25 летней Ольги. В Польше она четыре года, свободно говорит на четырех языках.

— Терпимы ли поляки?

— Пожалуй, да... Но все время проблемы с работой, надо заполнять массу бумаг, а никакому предпринимателю не хочется. Поэтому я подала на натурализацию. Узнала, что со стороны отца у меня какие-то польские корни. Когда оказалось, что за обучение в Академии художеств иностранцы должны платить кошмарные деньги, мои друзья спросили: «Ну, кого из нас выбираешь?» Замужество — самый простой путь к польскому гражданству. Но я хотела бы выйти замуж за русского, украинца или белоруса... За поляка я, пожалуй, не вышла бы.

— Почему?

— Речь идет не о том, кто он по национальности. У меня самой мешаная кровь — украинская, русская, польская. Настоящей украинкой я себя почувствовала только когда вспыхнула «оранжевая революция». Тогда, пожалуй, в первый раз гордилась своим народом. Вы, поляки, не такие, как мы. Мы по-другому понимаем дружбу и любовь... У нас люди откровеннее, душевнее, больше жестикулируют. Поляки до какого-то момента тоже открыты, но потом появляется барьер. Мы если дружим, то всем сердцем, насмерть. Когда я возвращаюсь во Львов, все мои друзья собираются, и мы принимаемся вспоминать детство, юность. Мы все время тоскуем друг по другу.

— Чем отличаются украинские мужчины от польских?

— Ох, еще как отличаются! У нас девушек не приглашают выпить пива — приглашают выпить кофе или поужинать... Парень приходит к девушке домой, к матери, говорит, куда ее поведет и на сколько времени, а потом провожает до дому. Поэтому я всегда иначе себя чувствую среди парней из России, Белоруссии или с Украины. Здесь, в капиталистической стране, работа — это часто самое главное, важнее встречи с другом или

поездки за город. Здесь труднее чувствовать себя женщиной, но это, пожалуй, отчасти вина полек... Я обожаю чувствовать себя маленькой, хрупкой женщиной, о которой нужно заботиться. А многие польки хотят доказать свою силу и независимость, иногда прямо чересчур.

— Однако тебе удалось доучиться...

— Да, преподавателям понравились мои работы, и академия мне помогла. Я окончила факультет графики. Чаще всего я рисую человеческие глаза. Глаза — повсюду, они многое говорят о человеке, могут быть добрыми и злыми. Я умею читать по глазам, ни разу не ошиблась в людях, всегда знаю, хороший человек или только притворяется.

— Столкнулась ли ты в Польше с дискриминацией?

— Иногда я вижу в руках у людей калитку в мир — польский паспорт. У меня этой калитки нет... Когда я хотела поехать в Берлин на выставку, визы мне не дали, так что поедут только мои рисунки. Крупная неприятность случилась со мной у одного предпринимателя, который берет на работу людей из-за вашей восточной границы на условиях не слишком честных. К счастью, я обо всем узнала, прежде чем успела подписать договор. Выбралась, хотя этот человек устраивал мне неприятности, бранился, начал вмешиваться в мою личную жизнь...

— Что у тебя в Польше не получается?

— Много. Хотела бы иметь квартиру, покупать себе тряпки не на распродаже.

— Ты вернешься во Львов?

— Когда-нибудь — наверняка, но в первую очередь, когда получу паспорт, хочу путешествовать. Я мечтаю год пожить в Петербурге, год в Торонто, год в Нью-Йорке, побывать в Англии и Шотландии и съездить в Австралию.

Сцена IV

С поляком я могу поехать в гостинцу

Бордель-люкс в центре Вроцлава. На софе сидит 30 летняя Катя, красивая, в белом белье и пеньюаре.

— Когда ты в первый раз приехала в Польшу?

— Пять лет назад. Первый год был очень трудный. Раньше я так не работала... раньше я танцевала в Македонии и Турции. Здесь, в Польше, пришлось... Дома у меня ребенок и муж. Дома я порядочная женщина. Он... муж... не знает, что я делаю, он думает, что клубнику собираю... Он работает в охранной фирме.

— А почему ты в Польше?

— Я сюда приезжаю только поработать, заработать денег. Хочу заработать и жить на Украине. Привыкла, но... Может, если б не была замужем, то осталась бы. Я слишком люблю своих... Поляка бы я не хотела. Мы семь лет вместе. Звоню, пишу эсэмэски. Последняя? «Очень люблю тебя и очень тебя хочу. Целую».

— Часто ездишь домой?

— Три недели назад была. Приезжаю, вхожу в дом, а муж — как всегда: ужин, винцо... Иногда я думаю, что он догадывается, чем я занимаюсь, но знаю, что сюда он не приедет. Билет от нас до Вроцлава стоит сто долларов в одну сторону. И еще 50 — виза.

— Ты кончила какую-нибудь школу?

— Техникум.

— Что ты делаешь после работы?

— У меня никаких подружек нет. Никаких любовников или знакомых. Каждый день одна и та же дорога: выход из дома, солярий, парикмахерская, маникюр, магазин... В кино уже пять лет не была.

— Клиенты тебя не приглашали?

— Приглашали, но я с клиентами на стороне не встречаюсь — боюсь. Я осторожная, не хочу никаких сложностей. Мне надо выспаться, иначе тяжело: работаю с восьми вечера до шести утра. Никто меня не бил, не насиловал, не убивал. Однажды только не заплатили.

— Среди клиентов ты предпочитаешь поляков или русских?

— Если б кацап сюда пришел с украинцем, не пошла бы в комнату ни за какие деньги. Лучше поляки — наших я боюсь. С поляком я могу поехать в гостиницу: чувствую себя в безопасности. Поляки разные: чистые, нечистые — грязнули,

как везде. Но в этот клуб приходят порядочные клиенты в галстуках.

— А живешь ты в борделе?

— Да, вон там, внизу...

Сцена V

Прибраться у себя дома

Вилла во вроцлавском предместье Кшики. Галя Коваль — русская, режиссер (принимает участие в работе над сериалами «Мир по Кепским», «Волна преступлений», «Первая любовь»). Она приглашает нас в сад, где бегает ее трехлетний сын Александр.

— Ты помнишь свой первый день в Польше?

— Ой, это давно было! Мы приехали в Польшу с мужем — тогда еще не мужем — на каникулы. Собирались провести месяц и вернуться в Москву, и вот я тут уже 12 лет.

— Муж — поляк?

— Да, он окончил в Москве режиссерский факультет, там мы познакомились. Когда он сюда приехал, получил интересное предложение работы, просто отличной, ну мы и остались. На третий день в Польше муж перестал говорить со мной по-русски, так что я не понимала ничегошеньки! Люди рассказывают анекдоты, а я ничего не понимаю. Это был сильный стресс.

— Как ты его преодолела?

— Когда начала работать. Я была ассистентом режиссера на телевикторине «Кроссворд счастья». Контролировала монтаж — это я умела делать еще в России. Потом окончила аспирантуру Лодзинской киношколы по организации кино- и телепродукции. По образованию я актриса, четыре года училась в Екатеринбурге. В дипломе написано: актриса театра и кино. Сыграла несколько главных ролей, работала в театре-студии.

— Когда ты последний раз была в России?

— Три года назад. Мне трудно себе представить, чтобы я туда вернулась. Тут мне куда лучше.

— С кем лучше работать — с русскими или с поляками?

— Англичане, например, на съемках крайне дисциплинированы, а уровень такого... ну, бардака... в России и Польше одинаковый. Меня это увлекает.

— Ты встречалась с дискриминацией?

— Редко. Ну, какие-то там шуточки... известно, что существуют анекдоты о тупых русских, ну и что? Мне-то какое дело?

— Существует ли в Польше стереотип русского?

— Дело даже не в стереотипе. Дело в общем подходе. Прежде всего: русский — это враг. Да... Если конкретный русский в порядке, то и отлично. Тогда мы разговариваем, возникают какие-то дружеские отношения, и все относится тепло, дружественно. А отдельно есть великая Россия, враг Польши. Это очень глубоко укоренено в польском складе ума. Катынь, разделы Польши...

— Ты считаешь, что русские должны просить у нас прощения за Катынь?

— Наверное... только Россия наверняка этого не сделает в ближайшие десять лет.

— Почему?

— Потому что чувствует себя слишком неуверенно. Чтобы просить прощения, надо сначала прибраться у себя дома. Пока слишком много плохого творится внутри России. Прежде всего России следовало бы просить прощения у своих граждан, а потом уж начать извиняться перед соседями. Своих граждан Россия уничтожала миллионами. Нет семьи, в которой кто-нибудь не погиб...

— У тебя в семье тоже?

— Да, мой двоюродный дедушка пропал в 1934 г., и никто не знает, что с ним случилось. В 50-е годы семья получила какую-то справку о реабилитации, что он, мол, был осужден неправильно, и всё. И кроме этого листочка... ничего не знаем. Наверное погиб, но где и когда — неизвестно.

— Как ты сочетаешь съемочную работу с воспитанием ребенка?

— У меня ненормированный рабочий день. Иногда кончаю в одиннадцать вечера, а иногда — в четыре утра. Муж работает не так долго и забирает сына из детского сада. У нас партнерский союз. Он готовит, потому что делает это куда лучше, чем я.

— Ты достигла в Польше успеха?

— Я зарабатываю больше, чем муж, но это нам не помеха. Я приехала в Польшу не затем, чтобы продавать тряпки на Стадионе Десятилетия. Ну... подозреваю, что могу собой гордиться — тем, что я делаю то, что делаю, и что осталась тут.

Эпилог

Водонапорная башня «На гробле». Стометровая, из красного кирпича. Воскресный вечер, некоторые актеры еще нервно переписывают реплики своих героев. На сцене, на стульях, сидят рядышком батюшка Александр (Михал Опалинский), Катя (Агата Сковронская), Саша Худобин (Павел Кутный), сбоку, среди публики, — Галя Коваль (Агата Куцинская) и Ольга Чорномаз (Анна Ильчук).

Они играют вышеприведенные сцены. Публика долго аплодирует, требует автора — Сашу Родионова. Саша выходит, раскланивается и указывает на актеров. Первый в Польше мастер-класс по методу «Вербатим» закончен.

В конце Саша Худобин читает свое письмо президенту:

«Мы обращаемся к Вам с нижайшей просьбой дать мне и моей семье польское гражданство. Для нас остается еще очень важным вопрос отказа от нынешнего, российского гражданства. Вы, глубокоуважаемый господин президент, — единственное лицо, на помощь которого по этому вопросу мы можем рассчитывать (...).

Я живу в Польше 12 лет, и все, что я делаю в своей профессиональной жизни, вытекает из внутренней, сильно испытываемой потребности трудиться ради духовного и культурного сближения двух народов — польского и российского (...).

Получение польского гражданства при одновременной потере российского сделало бы невозможными регулярные поездки к больной, одиноко живущей маме. На востоке остались и могилы наших предков (...). Положительное рассмотрение нашей нижайшей просьбы позволит нашей семье вести достойную жизнь в Польше, трудиться на благо Польши с полной самоотдачей и страстью в сердце, как и до сих пор.

Я хотел бы сердечно поблагодарить за то время, которое Вы, господин президент, пожелали уделить нашему делу. Александр Худобин, музыкант».

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «Суббота, 17.15, павильон Международной катовицкой ярмарки. На посетителей выставки почтовых голубей обрушивается перекрытие (...) Польшу облетает шокирующая новость: погибло по меньшей мере 65 человек. По мнению пожарных, шансы найти живых близки к нулю. «К сожалению, жертв будет больше, так как под обломками находятся засыпанные», — говорят пожарные (...) Президент Лех Качинский объявляет национальный траур, который продлится до среды». («Жечпосполита», 30 янв.)

• «По предварительным оценкам прокуратуры, на обвалившейся крыше павильона в Катовице могло лежать до 2,5 тыс. тонн снега и льда. Это означало бы, что нагрузка на один квадратный метр составляла 253 кг. Между тем (...) допустимая нагрузка для этого здания составляет 70–80 кг на кв. метр». («Газета wyborcza», 30 янв.)

• «В Польше живет более 40 тыс. голубеводов. Больше всего — в Силезии (8 тыс.) (...) Старейшие питомники были основаны больше 100 лет назад (...) Соревнования голубей проводятся летом. Самые быстрые птицы летают со скоростью свыше 160 км/ч (на соревнованиях скорость измеряется в метрах в минуту) (...) В одном соревновании могут участвовать до 6 тыс. голубей. Во время полета (...) они гибнут, налетая на провода высоковольтных линий или попадая в когти хищных птиц (...) Один раз в год несколько тысяч голубей преодолевают расстояние в тысячу километров между Брюсселем и Силезией». («Жечпосполита», 31 янв.)

• «Несколько часов назад на месте трагедии, за сеткой, окружающей павильон, я встретил женщину. Она приехала из городишки, расположенного в 50 км от Катовице и смотрела на происходящее в полном молчании. Заметив декоративного голубя, который умирал, сидя на ближайшем дереве, она стала сыпать ему крошки. В глазах у нее стояли слезы. Она подзывала его, что-то ему шептала, как ребенку (...) Те, кто следил за сообщениями из Катовице, на всю жизнь запомнят сюжет о голубе, который прижимался к щеке своего раненого хозяина, пытаясь согреть его. А те, кто находился в непосредственной близости от павильона, запомнят ряды голубей, замерзавших

на металлических обломках, но верно ждавших своих погибших владельцев; ужасающий стук клювов и когтей птиц, пытавшихся выбраться из-под обрушившейся крыши в субботнюю ночь; спасателей и их собак, которые изранили и отморозили себе лапы, бегая по грудам искореженного железа в поисках засыпанных. Я не припомню трагедии, в которой люди и животные участвовали бы так солидарно». (Шимон Головня, «Жечпосполита», 4-5 февр.)

- «Президент Лех Качинский встретился вчера в Ватикане с Папой Бенедиктом XVI. Затем он провел беседу с президентом Италии Карло Адзелио Чампи. «Сотрудничество польского государства с Церковью будет теперь очень тесным», — сказал Качинский». («Газета выборча», 27 янв.)

- «Президент Качинский подтвердил, что встреча [с президентом Джорджем Бушем] продолжалась дольше, чем было запланировано (...) Приблизительно половину времени заняла дискуссия о положении дел у наших восточных соседей. Президент Буш спрашивал своего польского гостя, как он оценивает положение на Украине. Разговор коснулся также Белоруссии и России — последняя была упомянута в контексте глобальной энергетической безопасности». (Петр Гиллер, «Жечпосполита», 10 февр.)

- «На второй день своего визита в Вашингтон Лех Качинский встретился с делегацией Американского еврейского комитета (АЖС) (...) «Президент поблагодарил нас за помощь в протестах против использования американскими СМИ выражения «польские лагеря смерти», — сказал исполнительный директор комитета Дэвид Харрис. — Это была очень теплая встреча. С господином Качинским мы познакомимся, еще когда он был президентом Варшавы. Мы ценим его роль в поддержке проекта музея польских евреев (...) Как раньше, так и после встречи с президентом Качинским мы не сомневаемся в отношении польских властей к антисемитизму. В беседе о международных проблемах (Украине, Иране, победе ХАМАСа на выборах в Палестине) я тоже не заметил существенных различий в наших оценках»». (Мартин Гадзинский и Бартош Венглярчик, «Газета выборча», 11-12 февр.)

- «По оценкам Всемирного банка, Польша развивается все быстрее, но у нее возникают слишком большие трудности с использованием средств, получаемых из бюджета ЕС. Во втором полугодии темп роста нашей экономики ускорился, и по динамике мы опередили Словакию, Чехию и Венгрию». («Жечпосполита», 10 февр.)

- В 1989–2005 гг. рост ВВП составил в Польше 44,1% (в Чехии — 5, в Эстонии — 44,4). В прошлом году уровень безработицы составлял у нас 17,9% (в Чехии — 8, в Эстонии — 7,5), а ВВП на душу населения с учетом покупательной способности — 50 (в Чехии — 72,7, в Эстонии — 55,1). («Ньюсуик-Польша», 29 янв.)

- «Последний период был для польских фирм весьма удачным (...) Их показатели улучшились (...) По данным Главного статистического управления (ГСУ), только в январе уровень продаж повысился в 20 из 29 отраслей промышленности. Производители теле- и радиоаппаратуры повысили его на 54%, машин и приборов — на 25, древесины, деревянных изделий и автомобилей — почти на 20%. Несколько быстрее, чем в промышленности в целом, рос уровень продаж в перерабатывающих фирмах, которые много экспортируют (...) За весь прошлый год уровень продаж в промышленности повысился на 4% (...) «По нашим прогнозам, в 2006 г. ВВП увеличится на 4,4%», — сообщил вчера Институт экономических наук ПАН. Прогнозы большинства аналитических институтов схожи: они колеблются между 4,3 и 4,6%». («Жечпосполита», 20 янв.)

- «В 2005 г. стоимость товаров, производимых среднестатистическим поляком в течение часа, составляла почти 20 долларов, т.е. на 7,7% больше, чем годом раньше. За последние 10 лет производительность труда росла в среднем на 5% в год. В прошлом году мы обогнали эстонцев и латышей, которые раньше опережали нас по уровню производительности». («Жечпосполита», 18 янв.)

- По данным ГСУ, в декабре средняя номинальная зарплата составила 2789 злотых. Это на 1,5% больше, чем в тот же период прошлого года, при инфляции 0,7%. В течение декабря цены снизились на 0,2%. ГСУ опубликовало также статистику по занятости. В декабре в Польше было занято в общей сложности 4,7987 млн. человек, т.е. на 2,5% больше, чем в прошлом году. («Газета wyborча», 17 янв.)

- «С сегодняшнего дня родители могут подавать заявления о выплате государственных пособий на рождение ребенка. Тысячу злотых на каждого родившегося ребенка получают все родители, независимо от их материального положения. Есть лишь одно условие: ребенок должен родиться не ранее, чем за три месяца до вступления закона в действие». («Жечпосполита», 9 февр.)

- Совокупный государственный долг Польши вырос с 302,1 млрд. злотых в 2001 до 466,3 млрд. в 2005 году. «В период с 2001 по

2005 год государственный долг рос в два раза быстрее, чем ВВП», — говорит министр финансов и вице-премьер Зита Гилёвская. («Газета выборча», 1 февр.)

- «Министр охраны окружающей среды Ян Шишко согласился на отстрел волков в Бещадах (...) Отстрелять четырех волков до 28 февраля должны специально отобранные охотники (...) Решение министра намерены опротестовать организации защиты животных». («Жечпосполита», 21 дек.)

- ««Право и справедливость» (ПиС), «Лига польских семей» и «Самооборона» заключили «стабилизационный пакт», который обеспечивает правительству Казимежа Марцинкевича поддержку парламентского большинства, а опасаящимся досрочных выборов партиям Романа Гертыха и Анджея Леппера — уверенность, что Сейм не будет распущен. Три партии согласовали список, включающий сто с лишним законопроектов, которые они совместно примут (...) В подписании пакта помогло посредничество архиепископа Славоя Лешека Глудзя, а парафирование документа состоялось в присутствии представителей радио «Мария», телевидения «Трвам» и газеты «Наш дзенник» (другие СМИ не были приглашены, в связи с чем большинство журналистов бойкотировало состоявшуюся после этого пресс-конференцию лидеров трех партий). Биржа отреагировала на подписание пакта падением акций и курса злотого». («Тыгодник повшехный», 12 февр.)

- Из заявления пресс-службы Епископской конференции Польши: «В связи с известными событиями, имевшими место во время встречи с журналистами при подписании «стабилизационного пакта», сообщаем, что участвовавшие в них СМИ, связанные с Церковью, не действовали от ее имени. Действия эти не были консультированы ни с одним уставным органом Епископской конференции Польши». Подписано: свящ. Ежи Клёх, пресс-секретарь Епископской конференции Польши. («Газета выборча», 6 февр.)

- «Польская автокефальная Православная Церковь подала в Европейский суд по правам человека жалобу, касающуюся методов назначения членов Конституционного суда в нашей стране. Речь идет о том, чтобы в него не могли попасть политики и чиновники, участвовавшие в создании законов, которые они впоследствии будут оценивать. Сейм текущего созыва должен избрать восемь из 15 членов Конституционного суда, а Ярослав Качинский не скрывает, что после этой смены он рассчитывает на решения, более благоприятные для правящего лагеря». («Тыгодник повшехный», 5 февр.)

• Ярослав Качинский, председатель ПиС: «Прежде всего я хочу очистить государство (...) Государство нужно реорганизовать, консолидировать, сделать все, чтобы оно начало работать по-настоящему (...) Мы хотим интенсивно пропагандировать патриотизм (...) Мы хотим, чтобы в Польше возродились ценности, с которыми в последнее время дело обстояло очень плохо: порядочность, честность, традиция, патриотизм, семья (...) Все это смешение добра со злом, возникшее после 1989 года, мы будем исправлять в рамках возможностей демократической власти, которые не слишком велики (...) Во мне есть чистое добро». («Газета wyborcza», 4-5 февр.)

• «Анджей Леппер отправился в Китай (...) Председателя «Самообороны» пригласил Союз коммунистической молодежи (...) Леппер взял с собой в Китай делегацию из 15 человек, в том числе своих ближайших сотрудников (...) и группу симпатизирующих ему предпринимателей (...) В сентябре посетивший Польшу по приглашению «Самообороны» секретарь китайского комсомола Ван Сяо сказал: «Программа председателя Леппера похожа на нашу, коммунистическую»». («Газета wyborcza», 17 янв.)

• Согласно опросу ЦИОМа, больше всего поляки доверяют премьер-министру Казимежу Марцинкевичу (68%). Следующие места занимают Збигнев Релига (кардиохирург, министр здравоохранения, 65%) и президент Лех Качинский (64%). Ярослав Качинский и Дональд Туск разделили четвертое-пятое места (53%). («Газета wyborcza», 24 янв.)

• «К председателю «Права и справедливости» Ярославу Качинскому приставлена (...) охрана из Бюро охраны правительства (БОП) (...) Брат [президент Лех Качинский] попросил его принять охрану, так как из-за физического сходства председателя ПиС часто путают с президентом». («Жечпосполита», 16 янв.)

• За кого поляки проголосовали бы в феврале? Согласно опросу ЦИОМа, ПиС набрала бы 34% голосов, «Гражданская платформа» (ГП) — 24, «Самооборона» — 11, «Союз демократических левых сил» (СДЛС) — 7, «Лига польских семей» — 5%. В Сейм не вошла бы аграрная партия ПСЛ с 4% голосов. («Газета wyborcza», 11-12 февр.)

• Бывший уполномоченный по правам человека проф. Анджей Цолль: «Основные политические расхождения в сегодняшней Польше не сводятся к озвученной в ходе предвыборной кампании дилемме: либеральное или социальное государство. Истинный спор идет между представителями двух разных

философий государства. Согласно первой, государство рассматривается как высшая цель, которой граждане должны служить, рассчитывая взамен на опеку. Согласно второй, государство должно опираться на гражданское общество, в котором граждане сами определяют свои интересы, а государство лишь помогает им в осуществлении их целей. Сегодня в моде первая философия». («Политика», 4 февр.)

- «Мы, нижеподписавшиеся представители юридических кругов, выражаем глубокую обеспокоенность как формой, так и содержанием изменений в уголовном законодательстве и органах правосудия (...) Как язык, так и методы нынешних властей удивительно напоминают времена ПНР (...) Мы не сомневаемся, что наше обращение не повлияет на позицию властей. Однако в сложившейся ситуации наш гражданский долг, вытекающий из общественной роли юриста, — заявить свой решительный протест». Обращение подписали 375 человек, главным образом юристов и студентов юридических факультетов, в т.ч. более ста профессоров. («Газета выборча», 11-12 февр.)

- «Резисторы, некогда символ сопротивления и бунта против ПНР, носят со вчерашнего дня в знак протеста нижнесилезские активисты СДЛС (...) По словам пресс-секретаря нижнесилезского СДЛС Мацея Грабовского, акция началась в Нижней Силезии, но есть сигналы, что к ней присоединяются и другие регионы Польши, а на улицах появляется все больше людей с резисторами. «Мы не можем смириться с тем, что делает ПиС — партия, которая, как выяснилось, любит силу и делает на нее ставку; партия, чьи действия приближают нас к тоталитарной системе, к государству, где учреждения будут не только контролировать граждан, но и говорить им, что они должны думать», — сказал Грабовский». («Жечпосполита», 7 февр.)

- Мирослав Спыхальский, в 80-е годы деятель студенческой оппозиции, ныне журналист: «Советую товарищам из СДЛС вспомнить, что? они делали с людьми, носившими такие резисторы 20 лет назад». Корнель Моравецкий, лидер «Борющейся Солидарности»: «Во время военного положения людей за такой символ сажали. Не хватает еще, чтобы СДЛС ушел в подполье». («Газета выборча», 7 февр.)

- «Исследования, проведенные в 2004-2005 гг., показывают, что 17% телезрителей в возрасте от 15 до 65 лет испытывают дискомфорт, когда телевизор выключен (...) Такие люди смотрят телевизор во время еды, уборки, готовки и даже чтения». («Газета выборча», 26 янв.)

• «Пустой трамвай, подобный тем, что ездили по варшавскому гетто в начале 40 х годов, колесил в пятницу по улицам столицы, останавливаясь только на одной остановке: Умшлагплац, запасный путь, с которого сотни тысяч евреев были отправлены в немецкий лагерь смерти Треблинка. Вместо номера на нем была звезда Давида, а голубой свет, горевший внутри, усиливал впечатление пустоты, оставшейся после исчезновения народа, который пал жертвой Катастрофы (...) В четыре часа дня во многих окнах зажглись свечи. Выставить их в знак памяти призывали поляков примас Юзеф Глемп и митрополит Краковский архиепископ Станислав Дзивиш (...) В Биркенау премьер-министр Казимеж Марцинкевич возложил венки к развалинам четырех газовых камер, в которых погибло около миллиона жертв Катастрофы». («Жечпосполита», 28-29 янв.)

• «Нельзя допустить, чтобы антисемитизм отягощал нашу совесть и отравлял наши сердца», — написал президент Лех Качинский в письме, зачитанном перед варшавским памятником Героям гетто. Вчера Польша вместе со всем миром впервые отмечала Международный день памяти о Катастрофе, который приходится на 27 января — годовщину освобождения концлагеря Аушвиц-Биркенау. В этом году все мероприятия были перенесены на один день, так как в пятницу начинается шабат». («Жечпосполита», 27 янв.)

• «В Кельце, в том месте, где во время погрома 1946 г. погибли 40 евреев, открылась мемориальная доска со словами молитвы Иоанна Павла II, оставленной в расщелине иерусалимской Стены плача в марте 2000 года. Надпись на польском и иврите гласит: «Мы глубоко опечалены действиями тех, кто на протяжении истории причинял страдания детям Твоим, и, моля Тебя о прощении, желаем установления истинного братства с народом Завета». Мемориальную доску открыли епископ Келецкий Казимеж Рычан и представитель посольства Израиля Яков Финкельштейн». («Жечпосполита», 19 янв.)

• «Свидетельствует Лех Валенса. Больше двух часов давал показания бывший президент на беатификационном процессе Папы Иоанна Павла II (...) «Я не скажу, какие вопросы мне задавали, что я отвечал, а также где и когда состоялась встреча (...) Повторю лишь то, что я уже неоднократно говорил: Иоанн Павел II был святым человеком. Он был ниспослан [нам] на трудные времена. Он вдохнул в поляков и другие народы дух свободы. Без него не рухнул бы коммунизм, без него не появилась бы так быстро объединенная Европа». (...) Ранее на вопросы беатификационного трибунала уже отвечал Александр

Квасневский. Просьба дать свидетельские показания направлена также генералу Войцеху Ярузельскому и Тадеушу Мазовецкому». («Жечпосполита», 21–22 янв.)

- Президент Александр Квасневский наградил группу православных и экуменических деятелей за заслуги в деле развития и пропаганды православной культуры. Церемония награждения состоялась 27 ноября в Центре православной культуры. Офицерскими, кавалерскими, золотыми и серебряными крестами ордена Заслуги награждены семь человек». («Пшегленд православный», январь)

- «Выступление кандидата в президенты от объединенной белорусской оппозиции Александра Милинкевича в польском Сейме и его встречи с высшими представителями нашего государства — событие необычайно важное. Это знак солидарности не только с самим кандидатом в президенты, которому после выборов могут грозить репрессии и даже тюрьма, но и с Белоруссией. С той Белоруссией, которую он представляет: независимой, демократической, честной и дружественной по отношению к Польше». (Лукаш Адамский, «Газета wyborча», 26 янв.)

- «Благодаря лоббированию польских евродепутатов (...) Александр Милинкевич нанес визит в Брюссель, где встретился, в частности, с Жозе Мануэлем Баррозу и Хавьером Соланой». («Тыгодник повсехный», 12 февр.)

- «Белорусские СМИ развернули антипольскую кампанию. Они обвиняют дипломатов и журналистов из Польши в шпионской деятельности». («Тыгодник повсехный», 19 февр.)

- Сейм постановил: «Организации, поддерживающие демократические процессы на Украине и в Белоруссии, получают из государственного бюджета 80 млн. злотых». («Газета wyborча», 26 янв.)

- Даниэль Бовуа, директор Центра истории славян в Сорбонне, автор изданной недавно в польском переводе книги «Украинский треугольник: шляхта, царизм и народ на Волыни, Подолье и Киевщине. 1793–1914»: «Польское присутствие на Украине было гораздо более продолжительным, чем французское в Алжире, однако это не меняет того факта, что крепостная зависимость украинских крестьян была близка к рабству. Отношения усадьбы с деревней были такими же жестокими, как на американских хлопковых плантациях, на французской Мартинике или где-нибудь в Африке. Это было нечто ужасное (...) Все это весьма прискорбно. Но зачем

закрывать на это глаза? Мы говорим об открытом обществе, и история тоже должна быть открытой (...) Теперь мы живем в общей Европе и должны говорить друг другу правду (...) Во время «оранжевой революции» Польша проявила себя великолепно! Многочисленные группы поляков на Майдане — это было нечто неслыханное. Вы дали пример всей Европе. Но в этом великом всплеске симпатии не следует забывать о том, что было. Впервые за многие века между поляками и украинцами устанавливаются искренние и открытые отношения. Надеюсь, что теперь так будет всегда (...) Мечта Гедройца об истинном украинско-польско-русском триалоге еще очень далека от осуществления». («Газета wyborcza», 28-29 янв.)

- «Россия снова обвиняет Украину в краже газа, предназначенного для Европы (...) Российский министр энергетики Виктор Христенко (...) призвал украинцев не греться за счет соседей, «тем более за счет близкой и родной Польши, которая замерзает»». («Газета wyborcza», 26 янв.)

- «Поляки и русские — это фактически одна семья, — сказал президент Владимир Путин на ежегодной пресс-конференции. — У нас общая колыбель. Мы никогда не забываем об этом и относимся к Польше с огромным уважением за ее вклад в мировую культуру, за ее вклад в мировую экономику, за ее вклад в сегодняшние дела в Европе и в мире». Путин назвал поляков и русских «близкими родственниками» и заметил, что, как всегда бывает между родственниками, в истории наших взаимоотношений было много проблем, начиная с захвата поляками Кремля в XVII веке. Он признал, что и сейчас в обоих обществах есть взаимное недоверие (...) Затем российский президент выразил надежду, что в России и Польше возобладают политические силы, которые будут смотреть в будущее, основываясь на положительном историческом опыте обеих стран. «Это не только вполне возможно, это необходимо как для Польши, так и для России», — сказал Путин. В заключение он еще раз выразил соболезнования в связи с катастрофой в Силезии: «Мы вместе с вами скорбим по жертвам. Я хочу, чтобы поляки знали об этом»». («Жечпосполита», 1 февр.)

- «Нет объективных причин для того, чтобы польско-российские отношения были плохими», — заявил вчера президент [Лех Качинский]. И сообщил, что он готов встретиться с российским лидером в любом месте, кроме Москвы (...) До сих пор Путин был в Польше всего два раза, т.е. в несколько раз меньше, чем Александр Квасневский в России».

По мнению независимого эксперта Бартломея Сенкевича, Путин, вероятно, считал, что плохие взаимоотношения с Польшей вредят России, так как Варшава успешно влияет на восточную политику Евросоюза. («Жечпосполита», 19 февр.)

• Проф. Ежи Помяновский: «Среди 164 законов, которые должен принять Сейм, невозможно найти такой, который открывал бы путь активной восточной политике, особенно в отношении Украины. Первым политиком, обратившим внимание на этот поразительный недочет, был президент России Путин. Ибо что же еще могло склонить его высказать несколько доброжелательных слов по адресу Польши?». («Тыгодник повшехный», 19 февр.)

• «Согласно проведенному в декабре 2005 г. опросу ЦИОМа, все больше поляков придерживаются мнения, что Россия стремится восстановить свое имперское влияние в нашем регионе. Так считают 60% опрошенных. 20% не согласны с этим утверждением, а остальные 20% затрудняются с ответом. По сравнению с 2004 г. уверенность в российских амбициях увеличилась на 12% (...) Поляки оценивают будущее польско-российских отношений пессимистически. На их быстрое улучшение рассчитывает только каждый четвертый опрошенный. Зато каждый пятый ожидает ухудшения». («Политика», 11 февр.)

• «Наталья Хофманн-Дельбор (урожденная Жердева, родилась в Тамбове) прожила всего 51 год. Последние шесть лет ее домом была Варшава. Однако она не дождалась срока, когда президент Польши должен был рассмотреть ее заявление о предоставлении польского гражданства. Она любила Польшу и своего мужа-поляка. В Варшаве она нашла спокойствие, понимание, заботу и размеренную жизнь. Она всегда подчеркивала, что ни от кого в Польше ни разу не услышала дурного слова по поводу ее восточного акцента (...) Всю свою взрослую жизнь она прожила в Москве: там выучилась на инженера, там же родились и ее сыновья — Павел и Вадим (...) Вадим окончил электротехнический факультет Варшавского политехнического института, планирует поступать в аспирантуру (...) Чувствуя близкий конец своего пути, Наталья просила меня попрощаться от ее имени с ее московской семьей и с теми, кто пришел сегодня на ее похороны на Вольское православное кладбище. С мамой Таисией, с братом Евгением, с сыновьями (...) Осиротевший муж Агенор». («Газета wyborча», 7 февр.)

• «Петр Наимский, уполномоченный правительства по делам диверсификации поставок энергоносителей, представил в

Сейме отчет о шагах правительства, направленных на обеспечение Польше поставок нероссийских нефти и газа. Внести предложение о представлении такого отчета депутатов склонило недавнее ограничение поставок газа промышленным предприятиям». («Газета wyborча», 27 янв.)

- «Польша присоединилась к натовской программе NARMO, в рамках которой используются самолеты дальнего радиолокационного обнаружения АВАКС». («Жечпосполита», 2 февр.)

- «Публикация в субботней «Жечпосполитой» двух [датских] карикатур на Магомета вызвала в Польше жаркие споры. Наше решение подвергли критике премьер-министр и министр иностранных дел, а также представители Церкви. Получили мы и письма поддержки (...) Наше решение было протестом против покушения на одно из основных прав свободного мира — право на свободу высказывания». (Кшиштоф Готтсман, «Жечпосполита», 6 февр.)

- Министр национальной обороны Радослав Сикорский: «Правительство знало о планируемой публикации карикатур на Магомета в субботней «Жечпосполитой» еще в пятницу днем и предупредило об этом все польские воинские части, находящиеся за пределами страны, (...) чтобы наши военные представительства и контингенты были в безопасности». («Жечпосполита», 7 февр.)

- «Министр иностранных дел Стефан Меллер выступил с заявлением, в котором, в частности, сказал: «От имени министерства иностранных дел и правительства Республики Польша хочу принести извинения приверженцам Магомета» (...) Реакция правительства была обусловлена отчасти тем, что в его руках находятся 49% акций издателя «Жечпосполитой» и в арабском мире его могут воспринимать как владельца газеты (...) «Не следует падать на колени, если на то нет причин», — считает бывший министр иностранных дел Бронислав Геремек, замечая, что свобода печати — вопрос очень важный, и «государство не должно в него вмешиваться»». («Газета wyborча», 6 февр.)

- «Премьер-министр Казимеж Марцинкевич направил премьер-министру Дании Андерсу Фогу Расмуссену письмо. В нем польский премьер выражает сочувствие в связи с «трудной ситуацией», в которой оказалась Дания (первой карикатуры на Магомета опубликовала датская газета «Юлландс-Постен»). «ЕС должен в самое ближайшее время выразить свою солидарность с Данией и другими странами, ставшими

объектами недопустимых актов насилия и угроз мести со стороны радикальных мусульманских группировок», — написал Марцинкевич». («Жечпосполита», 8 февр.)

• «Мысленицкая полиция заинтересовалась искусством сразу же после заявления, поданного тремя гражданами, которые почувствовали себя оскорбленными экспозицией в галерее искусств «Сообщество Мысленице». Их возмутила открывшаяся 17 января выставка фотографий Богны Бехер «Городские портреты. Фотографии граффити» (...) На первой из спорных фотографий представлена Богородица с рогами, окруженная нимбом из звездочек ЕС. На второй — Христос Милосердный, держащий в одной руке мобильный телефон, а в другой бумажный пакет с надписью «Потребительство — опиум для масс» (...) Полицейские из оперативно-следственного отдела (...) забрали оба экспоната (...) и ушли, оставив протокол изъятия вещественных доказательств». («Газета wyborcza», 6 февр.)

• «Из года в год растет число поляков, осужденных за убийство животных или жестокое обращение с ними. В 2005 г. польские суды вынесли 127 подобных приговоров (...) Жестокое обращение с животными подлежит наказанию денежным штрафом, ограничением свободы или лишением свободы до двух лет. Суд может также конфисковать животное и передать его общественной организации. Кроме того, иногда суд приговаривает правонарушителей к пожертвованию от 25 до 2500 злотых на цели, связанные с защитой животных». (Дариуш Падо, «Котье sprawy» (Кошачьи дела)), февраль)

• Станислав Лем: «Главным моим занятием на прошлой неделе было наблюдение за печальным (по крайней мере для меня) приключением кита-бутылконоса, который заблудился по дороге из Атлантического океана в Северное море, заплыв в воды Темзы и доплыл аж до Лондона, расположенного в 60 км от устья реки! Англичане приложили все усилия, чтобы спасти его (...) Однако кит умер почти в самом конце пути. Пока я наблюдал за этой историей по немецкому телевидению, у меня полностью вылетели из головы наши польские политические перипетии. Я был занят судьбой кита, и у меня не было времени узнавать, что происходит в стране». («Тыгодник повшехный», 5 февр.)

ЦЕРКОВЬ В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПОЛЬШЕ (1945–1990)

История Церкви в коммунистических странах еще не изучена досконально. Она вызывает в памяти те весьма отдаленные времена, когда непростые отношения между светской властью государства и духовной властью Церкви еще не установились. Одновременно это история новейшего времени, когда Церковь как учреждение и как народ Божий вступила в конфликт с такими изобретениями XX века, как тоталитарная идеология, идеократический режим, партия-государство. Новизна коммунистического режима, затруднявшая его понимание, была, конечно, не единственной проблемой.

Коммунистический режим был смертельным врагом Церкви и действовал на ее собственной территории — в области веры и верований, обряженных для вящей путаницы в ризы небезызвестного «научного мировоззрения».

1945 год. Итогом немецкой оккупации были величайшие человеческие потери. Церковь потеряла две тысячи священников и шесть епископов, в некоторых епархиях по сравнению с довоенным временем не хватало 40% духовенства. Польшу передвинули на 200 км на запад, и население, покинувшее оставшиеся под советской оккупацией восточные земли, искало убежища на западных землях, отнятых у Германии. В результате передела границ, Катастрофы и массовых миграций Польша стала с этнической и религиозной точки зрения почти однородной страной. Старые «крупные меньшинства» — православные и евреи — сильно сократились. До войны католиками считали себя 65% польского населения, после войны — 90%.

То, что Церковь разделяла страдания народа, помогала гонимым и сопротивляющимся, способствовало росту ее авторитета. Коммунисты, устанавливавшие свою власть в стране, знали об этом и в первые два года не нападали на Церковь как таковую. Но и до 1947 г. около 60 священников были арестованы и осуждены за помощь антикоммунистическому сопротивлению, а цензура стала налагать запрет на официальные коммуникации епископата и

хозяйничать на страницах католической прессы. Коммунисты грубо извратили результаты первых парламентских выборов 1947 года, на которых против компартии выступала крестьянская партия. Церковь не осудила фальсификацию открыто, опасаясь жестоких ответных действий со стороны компартии, но, несмотря на сильнейшее политическое и полицейское давление, все же не одобрила и не поддержала своим авторитетом результаты выборов. Такой тип поведения стал образцом стратегии, которую в 40-е гг., вплоть до 1953 г., проводил епископат под управлением нового Примааса — епископа, а с 1953 г. кардинала Стефана Вышинского, сыгравшего решающую роль не только в истории Церкви, но и в истории Польши второй половины XX века. Это была стратегия продуманных уступок, терпеливая и осторожная игра ради выигрыша времени.

Организованная борьба с Церковью началась где-то в конце 1947 года. На совещании руководителей V отдела министерства общественной безопасности, который занимался Церковью, начальник отдела Бристингерова изложила в своей речи основные линии борьбы против Церкви, которые остались в силе даже тогда, когда самый суровый сталинский период закончился. Приведу некоторые знаменательные отрывки:

«Наша оперативная работа должна преследовать следующие цели:

— пополнять информацию об участии священников в сопротивлении — еще весьма значительном;

— проникать в церковные организации на местах: в епархии, деканатские советы и такие епархиальные организации, как «Caritas» [«Милосердие», организация, занимавшаяся благотворительностью];

— надо отказаться от мысли, что в монастыри проникнуть невозможно. Не надо капитулировать перед трудностями. Надо пробиться с помощью управляющих делами монастырей, поставщиков, нищих и т.п.;

— надо досконально знать материальную сторону жизни духовенства и хорошо разведать отношения в среде духовенства на всех уровнях, чтобы проникнуть в эти круги и, что самое важное, чтобы оказывать давление в соответствующем направлении;

— категорически и безусловно не допускать вмешательства духовенства и католических организаций в жизнь рабочих;

- бороться с влиянием духовенства в молодежных организациях, особенно среди харцеров [скаутов];
- пополнять информацию о священниках в школах с помощью школьной агентуры;
- организовать сеть агентов и секретных сотрудников среди паломников, нищих, мелких торговцев на благотворительных ярмарках;
- остановить рост католической прессы, сеющей вражеский дух и организующей реакционные элементы;
- сохранять осторожность и ответственность в использовании репрессивных мер против духовенства. Об арестах и других профилактических и репрессивных мерах следует извещать министерство».

К концу 40-х Церковью занимались две тысячи оперативников, четыре тысячи сексотов и агентов военной разведки. В 1948 г. уже 400 священников находились за решеткой.

Хорошим пропагандистским оружием стал вопрос об организации Церкви на бывших немецких землях. В 1945 г. Ватикан позволил польскому епископату создавать на этих землях апостольские администратуры (церковные управления), отложив учреждение епархий до окончательного соглашения о границах между Польшей и Германией. В Потсдамском договоре говорилось лишь, что, пока западная граница Польши не определена окончательно, бывшие германские территории будут подконтрольны польскому государству. Коммунисты требовали, чтобы Церковь незамедлительно учредила на этих землях епархии, и отказ Ватикана представляли как доказательство германофилии, а значит, антипольских настроений как Ватикана, так и польской Церкви. Церковь обвиняли в стремлении «пересмотреть» границы в пользу Германии. Епископат эффективно защищался, используя главным образом чтение обращений в костелах.

Другая форма давления была введена в действие с непосредственной подачи Сталина. Болеслав Берут, коммунистический президент ПНР, записал в своей записной книжке слова, с которыми Сталин обратился к нему во время визита в Москву в 1949 г.: «У вас ничего не выйдет, пока вы не осуществите раскол духовенства на две различных, противостоящих друг другу группы... пропаганда необходима, но недостаточна... без этого раскола у вас не будет шансов на

успех...» Согласно этим указаниям, было создано так называемое движение священников-патриотов, а также параллельная «Комиссия священников», в которой приняла активное участие псевдокатолическая организация «Пакс» во главе с Болеславом Пясецким, бывшим вождем «Фаланги» (фашистского движения 30-х годов). Коммунистические спецслужбы сумели привлечь в ряды «священников-патриотов» больше тысячи человек, то есть около 10% польского духовенства. В начале 1950 г. был произведен первый арест епископа.

В этой ситуации Прима́с решил подписать соглашение между Церковью и государством, к тому времени обсуждавшееся уже два года. Глава польской Церкви видел, как дорого стоило бескомпромиссное поведение кардинала Миндсенти в Венгрии, и не хотел подвергать столь жестоким испытаниям ни Церковь, ни польское общество. По соглашению, епископат обязался, в частности, учить паству уважать государственную власть, требовать от священников, чтобы они не сопротивлялись коллективизации в деревне, а также «бороться с преступной деятельностью подпольных банд». Последняя формулировка касалась еще действовавшего антикоммунистического сопротивления и была исключительно болезненно воспринята не только епископами, но и большинством польских католиков. Со своей стороны, правительство обещало сохранить уроки Закона Божия в школах и не запрещать деятельность католических школ, университета, прессы и объединений.

Кажется, подписание этого соглашения действительно отдалило самые жестокие преследования. Но коммунисты нисколько не собирались соблюдать его. Они продолжали под разными предлогами изгонять из школ учителей Закона Божия и закрывать католические школы. В 1951 г. начались процессы по обвинению в шпионаже в пользу «американского империализма». Среди жертв — келецкий епископ Качмарек, который под пытками подписал ложные признания, несколько месяцев спустя — два епископа и пять священников Краковской епархии, трое из которых были приговорены к смертной казни, один — к пожизненному заключению. В том же году власти изгнали с бывших немецких земель апостольских администраторов, заменив их «священниками-патриотами» в качестве капитулярных викариев. Немного позже были закрыты начальные семинарии. В конце концов в феврале 1953 г. Госсовет издал указ о постах и назначениях в Церкви, по которому светской власти в одностороннем порядке предоставлялся полный контроль над внутренней

организацией Церкви. Тут епископы выступили с открытым протестом. Они отвергли указ в послании президенту, которое заканчивалось ставшими знаменитыми словами «Нельзя принести Божие на алтарь кесаря. Non possumus!» Четыре месяца спустя кардинал Вышинский был арестован и интернирован.

Годы с 1953-го по 1956-й — самые мрачные в послевоенной истории польской Церкви. Обезглавленный и напуганный после ареста Примаса, епископат политически капитулировал, принял диктат власти. Правда, многие епископы осуществляли пассивное сопротивление, как можно дольше оттягивая исполнение требований власти о назначениях внутри Церкви. Злоупотреблениям тоталитарной власти сопротивлялись главным образом рядовые священники, отказываясь, к примеру, зачитывать в костелах верноподданнические декларации епископата и поддерживая тесную связь с народом.

Доклад Хрущева на XX съезде КПСС и частичное раскрытие преступлений Сталина и коммунистической системы вызвали политическую оттепель. В Польше она привела к власти Гомулку, верного коммуниста, который, однако же, не избежал сталинских застенков, и к резким переменам октября 1956 го. Освобождению Примаса предшествовало множество народных демонстраций в его защиту. Некоторые решения, принятые властями в предыдущее десятилетие, были отменены, в том числе и указ о назначениях внутри Церкви. Были восстановлены элементарные условия автономии Церкви, позволяющие ей осуществлять свою миссию. Священники и епископы освобождались из тюрем и — иногда не без трудностей — восстанавливались в своих функциях. Кардинал Вышинский вышел из-под ареста с гигантским проектом пастырской деятельности, который он разработал в заключении. Этот проект был рассчитан на девять лет подготовки к тысячелетию крещения Польши, которое праздновалось в 1966 году.

Появлялись новые религиозные организации, особенно группы пастырского окормления и молитвенные группы. Был создан ряд клубов католической интеллигенции — пять из них в конце концов получили разрешение на существование. С благословения Примаса пять независимых католических депутатов создали парламентскую группу «Знак». По числу входящих в нее депутатов эта группа играла чисто символическую роль, но она старалась выражать нужды католического большинства народа, быть его голосом в Сейме, где господствовали коммунисты.

Медовый месяц оказался коротким. Растерянность, вызванная в рядах коммунистов ограниченной десталинизацией и борьбой партийных фракций, продолжалась недолго. В конце 50-х были приняты новые антирелигиозные и антиклерикальные меры. Государственные власти опубликовали свою собственную программу празднования тысячелетия крещения Польши, которая должна была отвлечь внимание от религиозной программы Премьера. Антирелигиозная пропаганда шла в полную силу. Ужесточалась цензура. В 1957 г. цензура вмешивалась в деятельность «Тыгодника повсехного» 116 раз, в 1958 г. — 224, в 1959 г. — 395, то есть каждый год количество цензурных запретов почти удваивалось. В 1958 г. Институт национальных обетов на Ясной Горе, который размножал на ротаторе неподцензурные религиозные тексты, подвергся жестокому нападению полиции. Операция по снятию распятий в школах вызвала бурные протесты общественности, волнения, за которыми последовали многочисленные аресты. Религия была изгнана из школ, в ответ на что Церковь организовала преподавание Закона Божия в костелах, приходских помещениях и монастырях. Депутаты «Знака» выступили против этого насильственного обмирщения, что привело к административному ограничению тиража «Тыгодника повсехного» до очень скромных размеров. Было запрещено строить новые церкви. В 1959 г. министр по делам культов Штахельский направил секретарю ЦК ПОРП заметки по поводу нового периода в борьбе против Церкви:

«1. Умалчивать, как если бы она не существовала. 2. Лишать перспектив развития и труда. 3. Снижать авторитет и повсюду, где возможно, высмеивать. 4. Срывать маску — раскрывать настоящие цели Церкви. 5. Нажать на обмирщение...» и т.д.

Запрет на строительство новых храмов спровоцировал протесты и демонстрации, даже мятежи во многих местах, прежде всего в новых рабочих городах. Это было для компартии особенно болезненным, противореча идеологическим посылам о поведении рабочего класса. Самый громкий конфликт разыгрался в Новой Гуте — промышленном и рабочем образцовом городе, который считался прообразом «светлого будущего»,

В начале 60-х была возобновлена деятельность «священников-патриотов», организационным ядром которых была остававшаяся в руках государства организация «Caritas». Множились проверки в семинариях: в одном только 1960 г. в ходе проверок в монастырях и семинариях из библиотек было изъято 12 тысяч книг. Духовенство и особенно епископы

находились под бдительным надзором тайной полиции. Их часто вызывали на допросы, чтобы запугать слабейших и расколоть единство епископов. Вновь запретили ряд пастырских организаций и групп, паломничества стали подвергать строгому регламентированию. За духовными объединениями молодежи, особенно студенчества, следили крайне внимательно, к их участникам придирались по поводу и без повода. Власти старались положить конец всем «нетрадиционным» проявлениям культа — таким как религиозные спектакли в костелах, духовное отшельничество, лекции по подготовке к браку. Их организаторов вызывали в административные суды, налагая штрафы. Иногда — в очень крупных размерах. Все церковные здания на бывших немецких землях (кроме самих храмов) были национализированы. Духовенство облагали неподъемными налогами, а их неуплата служила поводом для финансовых проверок, обысков и конфискации движимого имущества. У некоторых епископов ставили прослушивающую аппаратуру. В Перемышльской епархии ее находили даже 15 лет спустя. Сплетни, анонимные письма и клевета были повседневным оружием государственных служб против Церкви. На открытии II Ватиканского собора присутствовали только две трети польской делегации, потому что нескольким епископам не выдали заграничных паспортов.

К концу собора, совпавшему с тысячелетием крещения Польши, польские епископы направили послания епископатам других стран. Особенно важным было послание немецким епископам. В последних фразах содержались слова, в которых выражался весь дух послания: «Мы стремимся забыть. Хватит полемики, хватит «холодной войны», надо возобновлять диалог. Мы протягиваем вам руку, мы прощаем и просим у вас прощения». Это пророческое послание, которое впоследствии очень способствовало польско-немецкому примирению, в 1965 г. шокировало часть польской католической общественности и вызвало невероятно злобные нападки коммунистов. Вся официальная пресса повторяла обвинения в «национальной измене», и поначалу это нашло отзвук в немалой части общества.

Тысячелетие крещения Польши было важным событием в жизни страны. В его центре была Ченстохова. Его не заглушили официальные празднества, устроенные по случаю тысячелетия польскими властями, конкурировавшими с Церковью. Во время торжественной мессы в Ченстохове пустое кресло у алтаря символизировало духовное присутствие Папы Римского Павла VI, приезде которого воспрепятствовали

коммунистические власти. В некоторых местах — в частности, в Кракове и Варшаве — полиция старалась помешать празднествам, что вызвало волнения. В целом за 60–70-е годы несколько десятков тысяч человек подверглись задержаниям и штрафам, а более тысячи получили тюремные сроки до пяти лет лишения свободы за действия в защиту Церкви.

В марте 1968 г. под влиянием Пражской весны и растущего сопротивления студентов и интеллигентов злоупотреблениям цензуры студенты вышли на улицы, и их демонстрации были жестоко подавлены. Церковь пыталась удержать молодежь от демонстраций, но одновременно епископат направил премьер-министру письмо с требованием освободить студентов из тюрем, положить конец репрессиям и дать правдивую информацию о событиях. Депутаты «Знака» выступили с протестом в Сейме, спровоцировав резкую реакцию власти. «Антисионистская кампания», последовавшая за мартовскими демонстрациями, не вызвала отклика Церкви, которая рассматривала ее как часть борьбы между разными фракциями компартии.

Во время рабочего восстания в Гданьске в 1970 г., когда несколько десятков человек были убиты, Церковь тоже вела себя осторожно, не желая способствовать обострению конфликта. Депутаты «Знака» попытались создать парламентскую комиссию по расследованию сути и хода событий, но безуспешно. Двое из них, Тадеуш Мазовецкий и Константы Лубенский, провели расследование в частном порядке.

70-е годы были временем постоянного роста авторитета Церкви. Кардинал Вышинский все больше и больше говорил на языке прав человека. По стране распространялся первый самиздат — тексты его проповедей, произнесенных в варшавском костеле св. Креста. В них кардинал говорил о свободе претворения в жизнь нравственных ценностей, о достоинстве человека в экономической сфере, о свободе культа, объединений и о праве на защиту своих прав. Коммунистические власти пытались вести политику сношений с Ватиканом через голову Примаса, но тщетно. Круги людей, близких к «Знаку», стали в 70-х годах местом встречи католических интеллигентов с интеллигентами-агностиками, зачастую бывшими коммунистами, которые сначала стали «ревизионистами», а потом, потеряв в 1968 и 1970 гг. последние иллюзии, — антикоммунистами. Круги «Знака» способствовали организации антикоммунистической оппозиции, поддерживая прямые связи с членами КОРа

(Комитета защиты рабочих), основанного в 1976 году. 1976 год стал также годом конца парламентской группы «Знак» — после кризиса, к которому привело принятие навязанных властями поправок к конституции, куда в качестве конституционного принципа ввели дружбу с Советским Союзом. В конце 70-х не только многие священники, но и епископы, включая кардинала Вышинского, поддерживали личные контакты с членами нарождающейся оппозиции. В Кракове после убийства агентами тайной полиции студента, сотрудничавшего с КОРОм, был создан Комитет студенческой солидарности, в который вошли главным образом активные члены студенческого объединения, получавшего пастырское окормление у доминиканцев. Кардинал Кароль Войтыла приглашал к себе этих молодых людей, чтобы обсудить с ними их планы и надежды.

Избрание Войтылы Папой Римским в 1978 г. стало событием исторического значения, ускорившим процесс развала коммунизма, прежде всего в Польше, но не в ней одной. Первый приезд Иоанна-Павла II в страну стал событием, вызвавшим катарсис. Повсюду его сопровождали огромные толпы. Люди вновь обрели чувство общности. В твердых словах Войтылы поляки увидели возвышенное и облагороженное выражение собственных чаяний и настроений. И нет ничего удивительного, что профсоюз «Солидарность», появившийся на свет в результате забастовок в Гданьске и Щецине год спустя после паломничества Папы в Польшу, столь обильно использовал христианские ценности и образы. Церковь поддержала идею этой «самоограничивающейся революции». Крупными событиями 1981 г. стали покушение на Папу с последовавшими демонстрациями и молебнами и смерть кардинала Вышинского, ознаменовавшая конец эпохи.

После объявления военного положения 13 декабря 1981 г. Церковь опасалась массовых расправ. Примас Глемп и другие призывали к спокойствию. Во всех епархиях были созданы комитеты помощи заключенным и их семьям — речь шла не только о материальной и духовной, но также о юридической помощи. Паломничества Иоанна Павла II в 1983 и 1987 гг. стали для всего общества, а не только для католиков, замечательными «вливаниями» надежды. В эти годы Церковь стала крупным центром культурной жизни, открытым для всех подлинных ценностей.

В этот период Церковь стала также хранительницей коллективной памяти и источником символов, которые общественное воображение обильно заимствовало. В этой

символике стихийно сочетались патриотические и религиозные элементы, отсылающие к событиям XIX века, эпохи разделов Польши, восстаний и польского романтизма. Десятилетие 80-х стало временем «всплеска памяти» (Б.Бачко), результатом которого стал невероятный всплеск символики. Памятники кровавым событиям в Гданьске, Гдыне и Познани и молебны, служившие при открытии этих памятников, обозначили учреждение нового, «истинного» порядка внутри извращенного, лживого времени и исковерканного пространства. Возвращение распятий на заводы и в школы несло тот же смысл. Колокольни новых костелов символически знаменовали отвоеванное пространство. Знамена «Солидарности», иконография которых была полна отсылок к знаменам польских восстаний, а также к хоругвям, использующимся при религиозных шествиях, благословлялись в костелах. После объявления военного положения эти знамена были торжественно перенесены в храмы.

Приходы стали центрами распределения лекарств и прочей благотворительной помощи, доставлявшейся автоколоннами с Запада. Они везли также ротаторы, бумагу и типографскую краску, которые были необходимы для создания сети «подпольной» общественной информации — ограниченной, но правдивой. Молебны за отчизну стали событиями, привлекающими множество верующих. Не раз эти молебны (несмотря на призывы священников) выливались в уличные демонстрации, разгоняемые полицией. Епископы и большинство священников не принимали непосредственного участия в действиях, которые могли быть оценены как чисто политические. Они предоставляли помещения для независимой культурной деятельности. Но было несколько отважных, политически ангажированных священников, которые пошли дальше. Один из самых известных — Ежи Попелушко. Этот молодой человек, скромный, застенчивый и молчаливый, нес духовную поддержку поставленной вне закона «Солидарности» в Варшаве и ее окрестностях. Он произносил впечатляющие проповеди и был убит офицерами госбезопасности в 1984 году. Его смерть и последовавший суд над убийцами были, возможно, главными событиями десятилетия.

Церковь помогла нам сохранить чувство свободы, жажду свободы, надежду на свободу. Церковь создала пространство свободы, которое невероятно контрастировало с тяжелой атмосферой окружающего мира. Она непрестанно напоминала нам, что человек призван быть свободным, а это неизбежно

приводило к мысли о том, что свобода должна получить свое мирское выражение в политическом устройстве.

Сокращенный перевод с французского оригинала

МУЧИТЕЛЬНАЯ ПРИВИЛЕГИЯ БЫТЬ НЕ ТАКИМ ГЛУПЫМ

Мы встречаемся в краковском ресторанчике «Каса Сусана», где хозяйничает жена Славомира Мрожека, в связи с выходом из печати альбома фотографий Мрожека, сделанных Анджеем Новаковским. Новаковский фотографирует старого, уходящего Мрожека. Каждый снимок сопровождается комментарием писателя. Слова звучат с силой, как признания. Они удивляют у человека, который избегает говорить о себе. Этот альбом — по всей вероятности, самая личная книга Славомира Мрожека.

Славомир Мрожек: Что мы сегодня, собственно, собираемся делать?

— Беседовать об альбоме, который вы с Анджеем сделали.

С.М.: Я был только объектом, так что не произнесу ни слова.

— Нравится ли вам тот смысл, который породило соединение снимков с цитатами из ваших текстов?

С.М.: Да. Иначе я не дал бы согласия на публикацию.

— По-моему, то, видим мы на снимке лицо или маску, зависит вовсе не от возраста, а от глаза фотографа и открытости модели. Кроме того, каждый хотел бы выйти на снимке лучше — может, даже красивее, чем в действительности.

С.М.: Смотря кто. Я думаю, это вопрос возраста. Со временем нам становится безразлично, как мы выглядим. Я прежде всего профессионал. Но мне хотелось бы обратить внимание, что пан Анджей сделал больше трех тысяч снимков. Так что выбирать было из чего.

— На одной из фотографий вы подставляете объективу голову. На ней видны пятна, выцветшая кожа — признаки старости. Я знаю, что Анджей подумывал, не подретушировать ли этот снимок.

С.М.: Я был абсолютно против. Зачем? Я должен мириться с тем, как я выгляжу и на гораздо худших снимках.

— Вы когда-нибудь придавали значение тому, как выглядите?

С.М.: Разумеется, придавал.

— Чеслав Милош в беседе со мной говорил, что перестал смотреться в зеркало, когда вместо своего лица обнаружил отражение старой обезьяны. Старость была для него освобождением от пут телесности.

С.М.: Чеслав Милош так говорил?

— Вот вы смеетесь. Но раз уж мы говорим о Милоше, то старость принесла ему еще одну вещь: уверенность, что в жизни доброта важнее искусства.

С.М.: Это чистая правда. «У меня умирают люди, пока я у них не умру»

— Вы не боитесь смерти? Мы, люди, обычно этого боимся.

С.М.: Люди — это люди, а я — это я. Я могу сказать, что не боюсь. Разумеется, все это нарастает, изменяется во времени. Я начал жизнь с того, что хотел всего на свете, а закончил, как это обычно бывает, чем-то противоположным.

— Но вы свою жизнь не закончили, а говорите так, будто это уже какая-то жизнь после жизни. То, что вы с Анджеем издали альбом об уходе, не означает, что вы уже ушли.

С.М.: Ну что ж, пока я говорю, значит, не закончил. Если я принимаю это во внимание, то выражаюсь очень точно.

— Старость — это свобода?

С.М.: Разумеется. В моем понимании человек с возрастом все меньше рискует потерять. Это и есть свобода — по крайней мере от чего-то, от многих вещей, которые когда-то были важными, — но, само собой, не от всех.

— А от чего старость не освобождает?

С.М.: От ответственности за другого человека.

— А как вы раньше обходились со свободой, если она у вас появлялась? С самой обыкновенной повседневной свободой? Вы ее не тратили впустую?

С.М.: Я считаю своей заслугой то, что никогда не потратил впустую свою свободу и потому прожил такую жизнь, какую

прожил.

— Такую... состоявшуюся?

С.М.: Ну, в общем, да.

— Сьюзен Зонтаг^[1] в своем эссе «О фотографии» пишет, что фотографирующий приобретает власть над тем, кого он фотографирует.

С.М.: Тоже мне великое открытие.

— По ее мнению, фотография — это искусство, которое, быть может, сильнее всего позволяет нам осознать бренность всего сущего. Каждый щелчок затвора — это соприкосновение с хрупкостью, со смертью. Это ностальгическое и в то же время траурное искусство. У вас с Анджеем было подобное ощущение?

С.М.: Нет. То есть у меня — нет.

Анджей Новаковский: Я, кажется, понимаю, что она хочет сказать. Но мне кажется, тайна заключается в том, что наше восприятие действительности происходит во времени. Фотография вклинивается в утекающее время, становится моментом, когда мгновение останавливается. Если мы говорим, что фотограф приобретает власть над своей моделью, становится хозяином ее лица, то это означает, что он останавливает время в нулевой точке, схватывает один-единственный неповторимый момент. Его власть распространяется именно на этот момент.

С.М.: Я вам очень признателен за то, что вы сказали, потому что иногда мне кажется, что уже никто не вспоминает, что всё-всё-всё происходит во времени.

— Люди, оказавшись перед объективом, часто фиксируют какие-то позы или выражения лица, теряют естественность.

А.Н.: Мне невероятно повезло, потому что пан Мрожек совершенно не позировал. Однако я все время чувствовал существование границы, которую не могу перейти. Она не была результатом какого-то договора, но я ее ощущал. Каждый раз, когда я должен был позвонить и предложить провести очередную съемку, я боялся, что услышу в трубке: всё, хватит. Я предлагал, например, встретиться в шесть часов утра. Пан Мрожек отвечал, что он должен проверить, не запланировано ли у него что-нибудь в этот день на это время, и через какое-то

время соглашался. Если бы все шло по-другому, этого альбома вообще не было бы.

С.М.: Если бы мы с паном Анджеем встретились сколько-то там лет назад, я бы вообще с ним не общался.

— Да, чувство юмора вас не покидает. Все происходит во времени, и ты, Анджей, со своим предложением появился в удачный момент. Послушай, а ты бы смог определить границу, ближе которой у тебя не хватало смелости приблизиться к своей модели?

С.М.: Да я сам могу это сделать — в качестве модели. Приходят разные недоумки, которым кажется, что им все можно. И начинают меня шпынять: сделаем так, сделаем иначе. С паном Анджеем было по-другому.

— Ты сделал этот снимок, глядя почти сквозь очки Славомира Мрожека.

С.М.: Очки — это часть моего лица. Я не могу без них обойтись.

— И какой же образ мира ты увидел?

А.Н.: Из фотографий в сочетании с цитатами вырисовывается лицо мудрого пессимиста, а такое сочетание в Польше встречается нечасто. Разве что еще Станислав Лем похожим образом смотрит на мир.

— В очках видно лицо молодой девушки. Под снимком — подпись: «Только бы я никогда второй раз не был молод. (Молитва услышана)». Этот альбом сделан наперекор современной тенденции к фетишизации молодости. Вот вы не слишком хорошего мнения о молодости. Быть может, причина в том, что вы переживали ее при коммунистическом режиме, который на короткое время и вас увлек?

С.М.: Я ничего не могу сказать об общих тенденциях. Все это очень индивидуальные вещи. Разумеется, молодость была молодостью, независимо от времени, на которое она пришлась. Я был ею очень... заморожен. Но в то же время меня всегда мучила привилегия быть не таким глупым, как мои ровесники или люди, которым хотя бы в силу опыта следовало быть умнее меня.

«Кто лишил нас права на грусть?»

— На нескольких снимках Славомир Мрожек появляется вместе с женой. И в эти несколько мгновений у него меняется выражение лица.

А.Н.: Я просто охотился на их общий снимок, на ситуации, в которых видна их близость. Уловить такой момент оказалось нелегко.

С.М.: Нелегко, потому что на пленэре я обычно бывал только наедине с вами, а трудно себе представить, чтобы я с вами нежничал.

А.Н.: Это правда. Если бы меня спросили, какой снимок я люблю больше всего, то я, наверное, выбрал бы этот, с женой и подписью «Искушение никуда не двигаться».

С.М.: Будь я вами, мне бы он тоже очень понравился.

— А будь вы собою?

С.М.: Мне? И мне бы нравился.

А.Н.: Мне кажется, что если в вашей жизни бывают минуты успокоения, отсутствия напряжения, то это происходит как раз в момент, запечатленный на этом снимке.

С.М.: Пожалуй, да.

— Это минута счастья?

С.М.: Нет-нет, я инстинктивно чувствую, что это вовсе не счастье.

— Что такое счастье?

С.М.: Понятия не имею.

— А вы уже пережили счастье?

С.М.: С течением времени...

— В альбоме нет цитаты, где говорилось бы о счастье.

А.Н.: Юзеф Чапский, которого я очень люблю, всю жизнь ожидал некой «епифании»^[2], боговдохновения, просветления, потому что он чувствовал, что не состоялся как художник. Его это мучило. Неоднократно он убеждал себя, что вот оно наконец пришло, это просветление, но скоро оказывалось, что это лишь иллюзия. Я искал в ваших текстах следы поисков этого

просветления — иными словами, в моем понимании, — счастья. И не нашел.

С.М.: Я не искал вдохновения. Я художник.

— И нет снимка улыбающегося Славомира Мрожека.

С.М.: Я улыбаюсь более или менее нормально, среди людей. С трудом представляю, чтобы я смеялся, когда я один. Смех имеет смысл только во взаимоотношениях с другим человеком.

А.Н.: Есть один снимок с улыбкой и подписью: «Я отдыхаю возле кича». К сожалению, мне не удалось запечатлеть сцены, где пан Славомир Мрожек хохотал как безумный. Мы встретились ночью, в пустом читальном зале библиотеки Ягеллонского университета. Пан Славомир взял с полки первую попавшуюся книгу. Это была романтическая пьеса Словацкого «Фантазий». Он начал читать ее вслух, с преувеличенно возвышенной интонацией, при этом покатываясь со смеху. Сцена как из фильма. И тогда в библиотеке меня охватил страх. У нас было ощущение, что там обитают духи.

С.М.: У меня некоторое время назад появилась любимая фраза: «Мы можем видеть духов. А они нас»?

— Люди, запечатленные на фото- или киноплёнке, — это духи, которых мы видим, а они нас — нет.

А.Н.: В XIX веке господствовала своего рода мода фотографировать сверхъестественные явления. Например, фотографировали образ Богородицы, которая якобы являлась на оконных стеклах. Впрочем, я бы над этим не смеялся. Если уж что-то отпечаталось на фотографии, ты веришь, что оно существует.

С.М.: Даже независимо от фотографии — человек испытывает потребность в вере.

— Философия диалога говорит, что лицо другого — это лицо Бога.

С.М.: Интересно, существовало ли такое время, когда даже у богов не было лиц?

— Вы думаете, мы начали верить, когда наделили Бога лицом?

С.М.: Быть может, это появилось одновременно.

««Лишь тоска и усталость». Поэтому теперь я уже не задаю вопросов и не отвечаю»

— Вы еще задаете себе тот вопрос, с которого начинается альбом: зачем я существую?

С.М.: Раз уж все это тяжелое бремя покоится только на мне, то я эту работу в жизни уже выполнил и теперь больше никому ничего не должен.

— То есть ответ нужно искать в ваших книгах, как это сделал Анджей Новаковский.

А.Н.: Меня особенно поразили «Маленькие письма». Описание жизни эмигранта, очерк по истории литературы, спор с тем, как представлял себе Польшу Гомбрович, и дневник экзистенциального одиночества, то есть то, что легло в основу этого альбома. Когда читаешь «Маленькие письма» внимательно, то видишь, что автор находится во власти одной мысли: что все проходит.

С.М.: Когда я писал эти «Письма» в 80-е годы в эмиграции, в Польше на них никто не обращал внимания. Я уже успел к этому привыкнуть, а теперь вижу, что в умах читателей что-то происходит. Эта книжка начинает жить, и я этому очень рад.

— Вот мы и вернулись к тому, что все проходит. Освободиться от власти времени — вот это была бы штука!

С.М.: Это наша европейская навязчивая идея. Быть может, время — это польское национальное наваждение: в конце концов, Польша существует не так уж долго. После последних выборов наступил очень нехороший период. Когда я размышляю о Польше, меня охватывает разочарование. После болезни я утратил знание иностранных языков. Теперь, правда, я уже могу читать по-английски и по-французски, но мне и так уже слишком поздно уезжать за границу. Хорошо было бы остаться здесь. Но в Польше тупой, умственно отсталой, без будущего — это трудно. Атмосфера довоенного периода, которую я еще помню, все продолжается и продолжается, и это жутко скучно. И никакой перспективы. Польскую специфику невозможно уничтожить. Даже в коммунистической партии, которой уже нет, были какие-то лица. У тех, кто сегодня сидит наверху, нет лиц. Я посмотрел на этот народ, в конце концов посмотрел — и, к сожалению, именно так все увидел.

А.Н.: Сегодня карьеру делают такие, как Эдек из вашей пьесы «Танго». Когда ее читаешь, кажется, что Эдек — это такой

безнадёжно тупой тип, что вряд ли такие бывают в жизни. А тем временем он существует, и даже имеет имя и фамилию.

С.М.: Я могу рассказать, как это было с «Танго», потому что это произведение, которое меня до сих пор кормит. Я уехал из Польши и после двух лет жизни в Италии «Танго» как-то само у меня написалось.

А.Н.: Необходима была дистанция, чтобы увидеть со стороны, какие мы.

— Вы повторяете, что, когда вы начинаете писать, у вас нет никакой заранее поставленной цели, что вы не пишете ради идей. Речь идет только о том, чтобы пьеса получилась хорошая.

С.М.: Именно так. «Танго» у меня получилось. Я написал его, когда мне было уже тридцать пять лет. Молодость была еще свежа в памяти.

— Вскоре будет издана ваша автобиография. Я знаю, что это было задание, которое рекомендовал вам врач после болезни, как своего рода медицинскую реабилитацию. Вы довольны результатом? Вы узнали о себе что-то новое?

С.М.: Нового — ничего. Как вы и сказали, это было терапевтическое упражнение. Я выполнил задание — и всё. Трудно не быть довольным, если множество людей, в том числе мой логопед, который заново учил меня говорить по-польски, утверждает, что это очень хорошо написано. А что скажут читатели — это уже другое дело.

«Я состою из двух элементов: это воображение — и ничто»

— Каждый из нас, по крайней мере до определенного момента в своей жизни, пытается вырваться из одиночества. А из ваших снимков можно сделать вывод, что вам уже не хочется разбивать стекло, отделяющее вас от других. Вы просто идете, засунув руки в карманы.

С.М.: Если говорить о времени, которое уже прошло, то я тоже много раз пытался сделать это. А если о том, которое видно на этих снимках, то вы правы, я уже этого не испытываю. Привык. Это тоже следствие старости.

— Когда я рассматривала снимки, у меня было такое ощущение, что я вижу человека, у которого нет иллюзий. Мир таков, каков он есть. И у вас хватает смелости посмотреть в

глаза этой правде. Надежды нет, но нет и грусти от того, что она отсутствует. Нет и утешения, ибо откуда бы ему прийти?

С.М.: Так оно и должно быть. Мир таков, каков он есть, — и замечательно.

— А вы цените этот мир?

С.М.: Ценю, и все больше ценю. Но ценю и то, что потом меня не будет.

— Не понимаю.

С.М.: Это как дискуссия, есть ли жизнь после смерти или нет.

— И что, есть?

С.М.: Нет.

— А на той стороне — там, куда вы уходите?

С.М.: Тоже нет — это-то и великолепно. Ничто.

А.Н.: Это необычайно важная тема. Заметь, что альбом начинается фразой: «Мне так и не раскрыли причину моего существования». А заканчивается уходом в ничто. Раздается вопрос: «Как это, значит это... вот так? Просто так? Уже всё?»

— Это предпоследний снимок. Последний — шуточный. Я понимаю, что нужно было читателя как-то порадовать. Ты тоже считаешь, что на той стороне ничего нет. Но ты ведь веришь в то, что сфотографировал?

А.Н.: Это очень ответственный момент. Каждый должен задать себе этот вопрос. Я, честно говоря, не знаю.

С.М.: И вы абсолютно правы, потому что вам это еще рано знать.

— Это знание приходит со временем? Или это уверенность?

С.М.: Это почти уверенность.

— Собственно, у меня тоже есть эта уверенность, но я еще не готова в нее поверить.

С.М.: И, пожалуйста, не торопитесь.

А.Н.: Только вот остается вопрос, является ли эта уверенность источником оптимизма или пессимизма.

С.М.: Это меняется со временем. Как и все остальное

Беседу вела Катажина Яновская

1. Сьюзен Зонтаг (1933—2004) — известная американская писательница, критик, культуролог и правозащитница. — Пер.
2. Епифания (от греч. «явление») — Богоявление, в переносном смысле — просветление, прозрение. Любопытно, что ранчо Мрожеков в Мексике называлось «La Epifania». — Пер.

ВЕРНОСТЬ КРИТИКА, НЕБЛАГОДАРНОСТЬ ХУДОЖНИКА

Моя главная дерзость состоит в том, что я осмелился попытаться исправить ошибки судьбы. (...) Я не мог согласиться, не мог примириться с судьбой польского интеллигента в Польше во второй половине XX века. Я называю это дерзостью, поэтому такая попытка, пожалуй, почти всегда наказуема.

С.Мрожек, письмо от 4 сентября 1971.

Эта книга стала событием во многих отношениях: для литературы, для польской критики, для современной истории, для изучения польской интеллигенции. И для таких размышлений, которые, к счастью, не имеют научного наименования, но которым каждый должен предаваться наедине с собой. Мрожек называл их «диалогами со своим духом»^[1].

Это в нашей литературе пока что встречается редко. Двое людей, писатель и критик, беседуют друг с другом о вещах, которые их больше всего волнуют, интеллектуальных и нравственных, — с таким напряжением, с каким тонущий хватает воздух. Двое партнеров, постепенно открывающиеся нам как живые и мыслящие люди, живущие мышлением и мыслящие о жизни — жизни собственной, жизни литературы и судьбах Польши. Причем они умеют писать об этом так, как мало кто пытался говорить сам с собой даже шепотом, хаотически изливая свои мысли в тайных рукописях.

Множество струн задето в этом «эпистолярном романе» (это выражение звучит у меня в ушах так, будто его произнес Блонский). Детство, семьи, в которых они выросли, объясняют многие жизненные перипетии каждого из них. Послевоенная Польша, сдержанное отношение Блонского к новой власти, недолгий «комсомольский» энтузиазм Мрожека, попытки найти независимое существование в творчестве. Блонский страстно увлечен историей, в традиции он ищет равновесие и противовес современности. Мрожек ведет скитальческую жизнь, без багажа, готовый в любой момент оказаться в новом, неизвестном месте. И после этого — дом под Краковом, где

вначале живет несколько поколений, дом, который должен существовать всегда, несмотря на столь часто возникающую потребность уехать, почти что сбежать из Польши.

Жизнь за границей для них обоих имеет мало общего с прелестями западного мира и вообще никак не связана с их политическими воззрениями. Гораздо больше это похоже на стремление вернуть себе состояние психического здоровья, которое в их поколении могло прийти лишь на несколько лет довоенного детства. Наконец один из них (Блонский) ненадолго нашел себе место в новой Польше (после 1989 го) и участвовал в организации культурной жизни Кракова. Быть может, поначалу с иллюзиями, что культура, умело защищаемая и сохраняемая, войдет в состав императивов новой действительности; позже его пыл начал понемногу угасать, как и у всех. Мрожек переезжает из Италии в Париж, Берлин, придумывает себе мексиканское ранчо — это не что иное, как пустошь, которую иногда навещают местные духи. В Мексике и сбылась наконец его мечта — жить в пустоте и скудости.

Почему они, такие непохожие, накрепко прилепились друг к другу? Литературный круг был невелик, а оба они резко выделялись на его фоне. Критик существует именно для того, чтобы обратить внимание на писателя. Даже в письмах чувствуется несовпадение их темпераментов, несогласованность личностей. И все-таки у них все получилось. Ведь не один же Мрожек выезжал за границу и предоставлял Блонскому, которого приглашали читать лекции французские университеты, возможность подлинного обмена мыслями. В конце концов, в 60–70 е годы по Европе ездило немало писателей и немало университетских преподавателей. Условие возникновения этих писем, в которых так остро ощущается подлинность мыслей и чувств, — не только отсутствие цензуры или угрозы перлюстрации. И не только высвобождение от внутренней цензуры, от заранее обозначенных рамок разрешенного мышления, — не осмысленное, а скорее подсознательное. Все не так просто с этим высвобождением: мы же все равно вернемся обратно, и не стоит подпиливать ту пружину, сжатие которой позволяет выполнять функцию писателя в социалистической стране. И об этом нельзя забывать ни на минуту. Выход из роли всегда связан с риском: он может завести слишком далеко и оказаться несовместимым с жизнью, то есть (у писателя) с творчеством. Это подводный риф, которого остерегались эмигрантские писатели: некоторые — справедливо, некоторые — необоснованно.

Почему Мрожек и Блонский в своих размышлениях не боятся этого рифа — или же перестают бояться? У каждого из них своя причина. У Блонского это объясняется легче: его пространство — история польской литературы, довольно удачно воплотившаяся в Институт польской филологии Ягеллонского университета, расположенный на ул. Голембей в Кракове. Хотя он посмеивается над самим собой: что это за работа такая — преподавать литературу будущим женам инженеров? В этом пространстве он господствует все более независимо, с годами его авторитет растет, и он занимает место некоронованного короля критиков.

Интересно, смог бы он в случае необходимости «навсегда» удовлетвориться преподаванием в каком-нибудь из французских университетов, в стране, где он так прекрасно себя чувствовал? Быть может, при этом не пострадало бы ни его ощущение своей личности, ни чувство нравственного долга. В конце концов, у него в руках был гуманитарный инструментарий, который вполне можно было применить в сравнительно полонофильской стране, по традиции радушно принимающей эмигрантов-деятелей культуры. Чтение польских книг, выходивших в эмиграции, было для него постоянным упражнением, прежде чем стало физически возможным и допустимым в Польше. Для него эмигрантская литература всегда была частью единой литературы в ее причудливых исторических извивах: можно сказать, что она никогда не казалась ему «обочиной» настоящей литературы. Эмигрантские писатели были таким же предметом его исследований и размышлений, как, например, поэт Семп-Шажинский, живший в XVI веке, — мы чувствуем, что он никому не позволил отобрать их у себя.

А что происходило в это время с Мрожеком? Он неоднократно рассказывает в своих письмах, что его знакомые, люди из театральной среды, предсказывают ему самое худшее будущее: он оторвется от родной земли, утратит чувство языка и проблематики, которая неотделима от польской действительности. Его раздражали все эти пророчества, но мы можем предположить, что они оставляли следы в его душе. Ведь кому угодно могло прийти в голову: а вдруг и правда?.. Блонский помогает другу отогнать этот призрак. Но писатель упирается: чем старше он становится, тем отчетливее видит, что его интересует нечто иное, а уродливость польской действительности была лишь трамплином для этих поисков. Его интересует человеческая судьба как таковая; до отъезда, будучи моложе, он лишь предчувствовал это. А причина в том,

что его интересует он сам и что он пытается понять смысл своего присутствия в этом мире.

В конце концов, в этом нет ничего столь уж оригинального. Разве не то же самое чувство спасло и Гомбровича, и Милоша? Нужно сразу добавить: поскольку они сумели найти язык, который одновременно утвердил и преодолел их эгоцентризм. Одно из самых важных впечатлений, которое мы выносим из чтения этой корреспонденции, — отчаянный и восхитительный эгоцентризм писателя, который десятки раз повторяет, что он пишет только о себе, стремится понять и познать себя — «добраться до сути в себе». «И в других», — добавляет он, ибо нет самопознания без выявления чего-то такого, что существует и в тебе, и в других, похожее и столь различное в себе и в других. Найти собственный путь, оставаясь в Польше, было все еще возможным для историка, критика — для писателя это оказалось невозможно. Он был вынужден уехать, отдалиться от этого «уродства», от абсурда, который вначале, в его ранних рассказах и пьесах, давал им и темы, и пищу. Он должен был уехать как можно дальше — его не устраивал ни Париж, ни, тем более, Берлин (где Гомбрович сумел почувствовать запах польской деревни, который означал, что кольцо замкнулось, дошло до собственного предела...) Это должна была быть какая-нибудь, например, Мексика — как Гватемала, сгубившая Бобковского^[2]. Еще в 60-е годы в итальянском городке Кьявари Мрожек вживался в оторванность, в судьбу пустынного, которая должна ему принести — но не всегда приносит — ощущение контакта с самим собой.

Для него мучительно встречаться со своими коллегами по перу, живущими в Польше, даже наблюдать их издалека. Как обычно, реакция тем сильнее, чем больше мы боимся любого сходства с объектами нашего презрения и проклятия. Романы и рассказы, издаваемые в Польше (Брандыса, Конвицкого, Анджеевского, Брыхта...), вызывают в нем только желание над ними издеваться: он «извергает их из уст своих» как нечто отвратительное. Это даже забавно: произведения, принимаемые читателями с благодарностью как что-то свежее, смелое, для Мрожека становятся новым доказательством официально утвержденной лжи, согласия на «мышление в разрешенных рамках». Успехи отечественной литературы оплачены этой ценой. Писать, чтобы публиковаться, — это значит соглашаться на интеллектуальную кастрацию, но невозможно же и писать «в стол» — он сам знает об этом. Мрожек уверен — и убеждает своего корреспондента, — что ему удалось избежать опасности.

Быть может, это связано с сознательно принятым положением «человека ниоткуда». Но разве не были еще более горьким переживанием несколько встреч за границей со «святилами», приехавшими из Польши, которых он изучал по горячим следам как случаи нравственного заболевания, от которого он уже освободился. Здесь вспоминаются горькие, но более спокойные слова Герлинга-Грудзинского о его встрече с Марией Домбровской в Неаполе. «Исчезновение самосознания, распад личности, всеобъемлющее безумство мифомании», — пишет Мрожек в 1964 году. Как видно, у него были довольно высокие требования к писательской этике. Он не признавал разницы между пережитым и написанным. Блонский называет нигилизмом (точнее, «социалистическим нигилизмом») то, что он наблюдает в литературных кругах. Власть стала для людей единственной реальностью: за ее параноидальными извивами и интригами, затаив дыхание, следили и беспрерывно их комментировали «нравственные авторитеты» страны. Это добавляет еще один штрих к картине повседневной жизни интеллигенции в ПНР.

До 1968 года Мрожек страшился эмиграции, хотел сохранить видимость, что он «играет по правилам», — ради того, чтобы его рассказы печатались, а пьесы — ставились. Почему же он решил прервать эту игру видимостей в связи с вторжением войск Варшавского договора в Чехословакию? Ведь до этого он уже писал Блонскому, что не позволит «втиснуть себя в рамки благородных жестов», то есть в протесты и петиции. Бешенство, отвращение, оскорбленное чувство собственного достоинства?.. Как бы то ни было, он протестует и плод своего гневного порыва публикует в видной западной газете. Теперь все становится ясно и для других, хотя для него самого и для Блонского это было ясно уже давно. Однако санкции, примененные к нему коммунистической властью, оказались кратковременными. Мрожек слишком ценен для ПНР, и в 70-е годы снова появились в печати его рассказы, вернулись на сцену пьесы. Впрочем, проблематику эмигранта он уже внутренне проработал. Были уже и примеры, можно было наблюдать их и извлекать собственные уроки. Что означали фигуры Гомбровича и Милоша для польских писателей и критиков — это еще одна тема для объемистой монографии, которая наверняка будет написана.

Оба они, Мрожек и Блонский, относятся к этим двум писателям-эмигрантам (из которых у нас сделали пару, неподходящую во всех отношениях) с самым пристальным вниманием. Они не сомневаются, что литературная значимость этих эмигрантов превосходит все, что происходит

у них на родине. Они ими даже вслух восхищаются... Мрожек в 60-е годы чувствовал себя подавленным. Он ощущал себя в конечном итоге результатом «продвижения по социальной лестнице» в новой Польше, пассажиром без багажа. Такое нелегко переносит каждый, а литератора это фактически губит, оставляя в его распоряжении лишь собственный темперамент. А те двое — люди с багажом. Как Фолкнер, как Пруст. У них достаточно материала, и обрабатывать его они могут хоть всю жизнь. Это настоящие обладатели, и общаются они внутри самих себя с чем-то конкретным и живым, не нуждаясь в абстракциях. А Мрожек — нагой человек без корней, ненавидящий родное село Боженцин, потому что оно ни на что ему не пригодно. Так что у него остается профессия, почти символическая, — землемер (то есть в буквальном значении «геометр»). Это тот, кто не держит в руках конкретную вещь, а прикладывает к ней меру — измеряет, насколько форма отстоит от содержания. Великолепное определение его функции. Сила и слабость Мрожека — человеческая геометричность и ее, пусть не слишком элегантные, уравнения. Она исчезает там, где речь начинает идти о таких качествах мира, которые невозможно замкнуть в уравнениях. Однако свою страсть к сравнению, к измерению он будет развивать во всё более тонких деталях, оставляя социологические сложности ради переживания невероятности человеческой судьбы. Он знает, что его метр не простирается дальше — но само это «дальше» существует. Уже в 1971 г. он пишет: «Где те времена, когда литература, искусство, писание рассказов и пьес казалось мне выходом, способом, единственным орудием и вообще чем-то самым главным?» Только в заключительной части переписки он признаёт, что эта опустошенная действительность стала для него единственной реальной действительностью. Вероятно, сила Гомбровича, сила Милоша заключалась в том, что они никогда ничего подобного себе не говорили. Не абсолютизируя творчество, но делая из него до самого конца инструмент, помогающий взбираться на вершины. А быть может, Мрожек, в противоположность им, явился нам хитроумно замаскированным мистиком, ежедневно переживающим свою «темную ночь души»^[3]?

Некоторые письма превращаются в целые трактаты, автор которых ведет длинные и последовательные рассуждения на темы, важные для обоих корреспондентов. Это можно сказать, например, читая письмо Мрожека о литературе ПНР от 15 апреля 1964 г. и ответ Блонского от 18 апреля. В этот период они обмениваются письмами так интенсивно, как будто у обоих нет других занятий. Не много было написано столь проницательных аналитических работ на тему «жизни при

коммунизме». Это второе письмо заслуживает того, чтобы быть напечатанным как отдельная работа. Впрочем, то же можно сказать и о другом письме, от 18 мая, посвященном личным стратегиям — по отношению не к режиму, а к самому себе.

Блонский дает определение двух жизненных позиций, которые условно называет «гуманистической» и «христианской». Он пишет: ««Гуманист» признаёт, что хотя он сам не и не важнее других, но и другие не важнее его; что человек в первую очередь обязан как можно более (в меру своих сил) расширять и исследовать собственные возможности, то есть свою «человеческую суть»; что, наконец, надлежит действовать в направлении, которое открывает наибольшее число выигрышных вариантов, т.е. искать как можно более благоприятные условия для развития своих подлинных талантов. «Христианин» же не будет питать надежд в отношении самого себя, а будет искать, каким образом он может принести пользу ближним, хотя бы и в скромных размерах, но незамедлительно; он всегда будет больше гуманиста (вопреки видимости) поглощен социальной активностью; он признаёт за другими право на себя, не давая себе прав на других». И дальше, чтобы заранее предотвратить любые недоразумения: «А еще я добавлю, что такое деление не решает фактически ни одной конкретной проблемы, а уж особенно тех, которые мы обсуждали». Что правда, то правда.

В обмене между художником и его критиком, если речь идет о творчестве первого, в принципе не может быть равенства. Художник всегда остается «равнее». Критик знает об этом и не жалеет усилий, чтобы поддержать вокруг художника атмосферу, подтверждающую его важность, необходимость для других. «Какие сферы твоего духа не находят себе выхода?» — заботливо вопрошает он в ответ на жалобы. Если угодно, в этих взаимоотношениях художник — «гуманист», а критик — «христианин». В этом и состоит тайна дружбы — в дополняющих друг друга личностях. Блонский проносит Мрожека через десятилетия и наверняка не ожидает за это благодарности. Он умеет отдавать себя другим: свое внимание и свое время. (С каким нетерпением я жду публикации переписки Милоша с Блонским!) Но при этом он сам растет как на дрожжах, отданное другому возвращается сторицей — если можно так выразиться, на небе и не земле. Перед ним исключительный случай — корреспондент, каких мало. Быть может, он становится самим собой в этом контакте? Как он радуется, когда под конец 80 х и в начале 90 х ему удастся организовать триумфальное возвращение Мрожека в Краков! А

у Мрожека после многих лет переписки, содержащей жалобы, гнев на политику и на человеческое существование, просьба ответить как можно быстрее, мы встречаем фразу, что тот не помнит, писал ли он ему о своих проблемах — вроде бы все-таки не писал... Художник должен уметь забывать.

Заключительная часть переписки, когда Мрожек пишет уже из Мексики, кажется мертвенной. «Приняв во внимание обстоятельства и превратности судьбы — жизнь у меня удалась, и похоже, что я сделал в этой жизни уже все, что надо было сделать». На это добрый самарянин Блонский отвечает: «...потому что я чувствую из твоего письма, что ты не слишком доволен жизненной и писательской ситуацией, в которой ты оказался: кризис этот понятен и неизбежен, но в то же время он свидетельствует, что к чему-то ты еще стремишься, для чего-то еще хочешь жить, а это уже немало». Как же все пишущие люди жаждут услышать от друга: твой кризис понятен и неизбежен!

Я закрыла книгу с некоторой грустью. Интеллектуальная биография этих двух выдающихся личностей прерывается почти одновременно с тем моментом, когда Польша начала жить нормально. Мы не знаем, в какой степени это было важно для Мрожека, уже больного и продолжающего погоню за своей «опустошенной» метафизикой. Задолго до этого Блонский предвидит кардинальные политические перемены и пишет, что «интеллектуалы» не будут ими довольны. И потому в 90-е годы в частных беседах он не нападал на «такие времена». Он не только мирился с этой нормальностью, но и ожидал ее. И он, как и его друг, мог сказать о себе, что сделал уже все, что надо было сделать. Очередные поколения историков литературы и критиков выпорхнули с его кафедры на Голембей, прошли через его дом в Клинах, одном из краковских предместий. Он заботился о молодых поэтах, будучи членом жюри премии Фонда Костельских^[4]. Поражала в нем молодость души, способность к энтузиазму или к громогласному неприятию. Ударом для него стала смерть жены. Думая о нем, Мрожек, писавший о парализованных, похожих на кукол людях из Польши, которых он встречал за границей в 60–70-е годы, мог бы выразить Блонскому наивысшую похвалу своим определением: живой человек.

Ян Блонский, Славомир Мрожек. «Переписка. 1963–1996.»
Краков, «Выдавництво литерацке», 2004.

1. Читая письма Мрожека, трудно отделаться от мысли, что под «своим духом» он понимал нечто, похожее на сократовского

- демона, «даймониона». — Пер.
2. Анджей Бобковский (1913-1961) — выдающийся польский писатель, автор книги «Наброски перышком», посвященной подробнейшему описанию французской действительности времен войны, в 1947 г. вместе с женой эмигрировал из Парижа в Гватемалу, сотрудничал с парижской «Культурой». «Европа? — писал он. — Комфортабельная и трусливая часть заменила собой целое, заменила само понятие Европы, и ее сущность и содержание растворились во всем этом так окончательно, что даже самые проницательные европейцы не успели этого заметить. (...) Что касается меня, я обожаю приютившую меня страну, прекрасно себя в ней чувствую и вернулся бы на ро-о-о-о-одину, только если бы свихнулся. (...) Меня они не надуют: в этой системе, даже после октября 1956 г. оставшейся социалистической, никогда ничего нельзя будет построить». — Пер.
 3. Термин «*posche oscura*» восходит к мистическому учению кармелитского богослова XVI века св. Хуана де ла Крус, который писал: «Душа видит себя в самом центре разнообразнейших форм зла, среди жалкого несовершенства, опустошенной, жаждущей понимания и брошенной во тьму. Темную ночь созерцания человек может с пользой пройти лишь постольку, поскольку он способен принять реальность, в которой он живет. Темная ночь души — это путь к правде. Этот путь ведет к свету, но ведет он через тьму» — Пер.
 4. Эти литературные премии, одни из самых важных в современной польской литературе, присуждаются с 1962 г. независимым Фондом им. Костельских, действующим в Женеве. Мрожек был в числе самых первых лауреатов этой премии (1962), Блонскому она была присуждена в 1968 г. — Пер.

ДВУХГОЛОСЬЕ

...всегда в этих переводах, более и менее удачных, есть, кроме благодарности, чувство моральной ответственности, с которым в Польше относятся к переводу с русского. Двойной ответственности: перед русскими и перед поляками. Трагична сама ситуация этого перевода, но есть в нем катарсис. Также катарсис самой поэзии, недаром русский классик сказал о ней: «Болящий дух врачует песнопенье».

Адам Поморский. «Выбор и катарсис»

(вступительная статья к книге «Двуглас»)

I. «Двуглас» — лирический и языковой

Вышел из печати сборник стихотворений Натальи Астафьевой и Владимира Британишского. В нем собраны произведения, которые, начиная с 60-х годов, выходили в Польше в переводах ведущих переводчиков (зачастую поэтов): Юзефа Вачкова, Виктора Ворошильского, Мариана Гжещака, Витольда Домбровского, Анны Каменской, Ежи Литвинюка, Анджея Мандальяна, Флориана Неуважного, Северина Полляка, Адама Поморского, Влодзимежа Слободника.

Название сборника имеет двоякое значение: в нем представлена избранная лирика двух поэтов (к тому же мужа и жены) и на двух языках. Мечта любого поэта и переводчика: на одном развороте — русский оригинал стихотворения и польский перевод.

На фоне растущего знания языков в подвергнутом глобализации мире все чаще появляются двуязычные издания стихов, содержащие наряду с переводами и оригиналы.

Хорошо, чтобы это стало традицией^[1]. Для Польши это не новость, напомним лишь об «Избранных стихотворениях» Марины Цветаевой, изданных в 1977 году. Недавно, в 2003 году (еще при жизни нобелевского лауреата) московским издательством ОГИ в серии «Bilingua» был выпущен в свет сборник Чеслава Милоша «Это» в переводе Анатолия Ройтмана.

«Двуглас» — это своего рода выражение признательности двум русским поэтам. Ведь оба они издавна переводят современную польскую поэзию.

Оба принадлежат к поколению, в судьбы которого вторглась политика, о чем речь пойдет ниже. Судьба, однако, не любит, чтобы ее считали несправедливой, и потому предоставила им другой шанс — любовь к польской поэзии. Поэзии, в минувшем столетии весьма значительной. Нередко можно услышать от знатоков, что самая новаторская лирика минувшего столетия принадлежит главным образом к кругу трех «языковых культур»: англосаксонской, русской и польской. Владимир Британишский, русский поэт, кроме польских поэтов переводивший также английских и американских, многое мог бы об этом сказать, даже если это суждение рискованное. Говоря о «культуре языка», я не замыкаю ее в национальных границах, в которые ни одна поэзия не вмещается — напротив, поэзия расширяет и даже разрушает их там, где они могли бы породить ксенофобию.

«Двуглас» свидетельствует, что любовь Астафьевой и Британишского к польской лирике взаимна. «Прежде, чем они стали переводить поляков, поляки переводили их стихи», — напоминает издатель.

Нам есть за что ценить их и любить. Польскую поэзию Наталья Астафьева переводит с 1963 г., Владимир Британишский — с 1966-го. Из этих переводов в петербургском издательстве «Алетейя» (2000) собрана солидная антология «Польские поэты XX века». Ею восхищался Чеслав Милош, который хорошо знал русский язык, чувствовал его интонацию, ритмику, метрику и отличную от польской просодию, как и экономость слова и иронии, вследствие чего русская лирика более пронзительна. Адам Поморский, эссеист и мастер перевода (не только с русского), писал («Вензь» 2002, №1; русский перевод, вышедший раньше польского оригинала, — «Новая Польша», 2001, №9): «Несмотря на обильный урожай переводов, нередко художественно весомых и плодотворных для развития самой русской поэзии XIX–XX вв., никогда раньше польская поэзия не удостаивалась в России такой фундаментальной и одновременно личной антологии, как избранное переводов Натальи Астафьевой и Владимира Британишского». Поморский оценил работу «двух исключительно заслуженных переводчиков, испытанных друзей польской поэзии» как «цельную и оригинальную антологию современной польской лирики», авторы которой проявили «безоговорочную независимость в выборе стихов для перевода — не считаясь с польскими иерархиями, светскими тусовками и политическими разногласиями». Русская антология нашей лирики XX века до сего дня остается единственной. «Иерархии, светские тусовки и политические разногласия» стали

причиной того, что в Польше до сих пор нет антологии современной отечественной поэзии!

Двумя годами позже Наталья Астафьева издала в том же издательстве антологию «Польские поэтессы» — в Польше такой антологии нет.

Мало того! Одновременно с «Двугласом» я получил книгу, а в ней надпись: «С наилучшими пожеланиями, сердечно — мои тексты о польской поэзии. В.Британишский, 18.11.2005, Москва». Автор подписал свою книгу «Речь Посполитая поэтов» (СПб, «Алетейя», 2005), включающую очерки и статьи о польской поэзии от Кохановского до Ружеви́ча и Шимборской.

Написать об этих историко-литературных очерках представится другой случай — как и о книге «Польская Муза и русские поэты» (М., «Прогресс-Плеяда», 2004, сост. Станислав Лесневский, Владимир Радзишевский и Борис Романов).

После перечисления этих значительных российских изданий, посвященных польской поэзии, покидаю Астафьеву и Британишского как переводчиков и возвращаюсь к ним как к поэтам из «Двугласа».

Оба составивших книгу сборника лирических стихотворений объединяет одно: они представляют собой поэтическое свидетельство о судьбе авторов. Так хотел издатель. И они сами. Так их воспримет польский читатель. С ущербом, пожалуй, для их лирики в целом и того, что в ней доминировало.

Поскольку это книга, по признанию издателя, «двух поэтов, разительно непохожих друг на друга», возвращаюсь к каждому из них по отдельности. Хотя их «общий взгляд на жизнь позволяет им вот уже почти полвека жить, размышлять и работать бок о бок», «каждый из них пишет свое и по-своему».

II. В сторону Натальи...

Хотя стихи Наталья Астафьева начала писать в 40-е годы, в литературу она, как и ее поколение, вошла только после XX съезда (1956), когда в СССР началась «оттепель». На страницы толстых журналов ее вывел Илья Сельвинский, заметивший «редкий отблеск зелени, отличающий фарфор от фаянса». Ей писала Ариадна Эфрон (дочь Цветаевой), отметившая, что поэзией занимаются многие, но лирика Астафьевой проистекает «изнутри и вопреки». Из поэтов ее приветствовал Борис Слуцкий.

Стихотворение–манифест восходящей поэтессы, которое было тогда «на устах у всех», не имеет названия, но поныне помнится как «Нежность».

Нежность душила меня.

Нежность

глушила

я,

нежность топтала я,

в грубых словах топя...

Если бы

нежностью

брали

на штурм

города,

все

с неизбежностью

я бы взяла тогда!

Это стихотворение, открывающее сборник Астафьевой, на мой взгляд, было в русской лирике тем, чем фильм «Летят журавли» — в кинематографии. Любовными стихотворениями Астафьевой могли зачитываться не только женщины. И такими были ее первые сборники: «Девчата» (1959), «Гордость» (1961) и «Кумачовый платок» (1965).

Наталья Астафьева родилась в 1922 г. в Варшаве. Ее отец Ежи Чешейко-Сохацкий из Польской социалистической партии (ППС) перешел в коммунисты (КПП). После введения ограничений на деятельность компартии он выехал с семьей в Германию, а в 1931 г. — в Москву, где представлял в Коминтерне польских коммунистов. Когда Сталин начал расправляться с «национальными» устремлениями, под первые удары попала КПП, и Чешейко-Сохацкий был взят на Лубянку. Он знал, что ему предстоит, и после более чем десятидневных допросов совершил самоубийство (4 сентября 1933). Его вдова Юзефина Юревич во время «большой чистки» (1937) была сослана в

Павлодар, где вскоре к ней присоединились дети: Наталья и ее брат Ежи, названный в честь отца. Там мать попала в лагерь. Вскоре Наталья вышла замуж за ссыльного Алексея Романова-Астафьева. От него у нее осталась двойная фамилия, первую половину которой она взяла для литературы.

Судьба самых близких людей — частый мотив ее стихов. Особенно воспоминания об отце. Вот короткое стихотворение:

Взяли

у меня

отца,

мне мать сказала:

«Теперь тебе отцом Сталин будет».

Родина — мать,

Сталин — отец...

Не слишком ли много для детских сердец?

Даниловский вал.

Детприемник.

Там

снимают оттиски пальцев нам.

Мы дети врагов —

плакат нас приветствует:

«Спасибо товарищу Сталину за счастливое детство».

На Красную площадь иду в Мавзолей,

иду вдоль еловых черных аллей...

Рыданье — как лай,

его не сдержать:

Сталин — отец...

Родина — мать...

Судьбы ее родителей не отличаются от многих русских биографий тех лет. Как и судьбы детей, чьи родители были сосланы, осуждены, замучены. Они оставались с матерями, а когда и матерей забирали, попадали в детские дома, где висели надписи о Сталине-отце и матери-родине. Наталья и Ежи смогли поехать к матери, тогда еще «только» ссыльной. Когда ее осудили и отправили в лагерь, дочь была уже в медицинском училище, работала, могла заняться младшим братом. Так они избежали детдома. Этот сюжет появляется в ее поздних стихах, в сборниках, изданных во время и после перестройки, — «Заветы» (1989) и «Изнутри и вопреки» (1994).

После смерти Сталина Наталье пришлось хлопотать о восстановлении чести своих близких. Мать вернулась из лагеря, уехала в Варшаву и там осталась с сыном. Через год посмертно реабилитировали отца, а затем его старшего брата — Стефана Чешейко-Сохацкого, арестованного и расстрелянного вместе с ним. Их младший брат Тадеуш остался в Польше, был офицером, порвал отношения с Ежи, заявив, что они могут встретиться лишь на расстоянии выстрела. В 1940 г. он погиб в Старобельске. Самый младший, Лешек, пал еще в 1920 г., воюя против большевиков.

Стихотворение «Четыре Чешейко-Сохацких» передает польско-русские, польско-советские отношения. Как и польско-польские, просто семейные.

Не стало Чешейко-Сохацких,
а род был старинный и славный,
и вот исчезают остатки,
и след исчезает их слабый.
Остался мир, проклятый трижды,
и я, еще чудом живая,
и я на четыре их тризны
гостей с того света сзываю.

«Ведь во мне вся боль всех моих родных, / а не только моя одна», — утверждает поэтесса в стихотворении «Три страны». И добавляет, что хотя «три страны мне в детстве были даны», но «нет у меня ни одной», ибо «все языки, все три, / бесполезны моей немоте». Потому нет ей «места в Варшаве и нет в Москве, / а в Германии вовсе нет». Перед лицом того, что

случилось в XX веке, «бессмысленны все языки, все-все, / весь наш беженский белый свет». И этот переломанный мир, эти беженцы, благодаря которым минувшее столетие вошло в историю также как век депортации и бегства миллионов людей в одной лишь Европе, — все это звучит как предостережение. Для него все еще не хватает выразительных средств: «Что могу я сказать, если слов не найти, а которые есть, — не те».

III. В сторону Владимира...

«Сбросить с пьедестала» — гремела «Ленинградская правда» в 1958 году, выступая против родившегося на берегах Невы (1933) автора дебютантского сборника стихов «Поиски» и интеллектуального вожака молодых ленинградцев. После ввода советских войск в Венгрию в 1956 г. у поэта не было иллюзий относительно намерений руководства СССР по отношению к миру и он не разделял всеобщей тогда надежды на «социализм с человеческим лицом». Окончив Ленинградский горный институт, он приступил к работе в геологических экспедициях на Полярном Урале, на севере Сибири и на Дальнем Востоке (эту работу он оставил лишь в 1973 году). Там он писал стихи, на зиму возвращаясь сперва в родной город, а затем в Москву, где он женился на Наталье Астафьевой и издал следующие сборники — «Наташа» и «Пути сообщения» (1966). С 60-х годов начал приезжать с женой в Польшу.

Лирические стихи Владимира тоже бывают биографическими. Открывает сочинения поэта в сборнике «Двуглас» стихотворение «Царскосельские парки...»:

Царскосельские парки.

На этюдах с отцом.

Осень дарит по-царски

драгоценным теплом

(...)

Мгла ползет на равнину.

Взгляд мой меркнет от слез...

Словно крест на могилу,

я мольберт его нес.

Отец Владимира, художник Лев Британишский, родился в Кронштадте, где его отец был золотых дел мастером и куда прадед Владимира прибыл из подвиленской местности Братанишки. Мать, Францишка Осинская, родилась в Гатчине, в польской семье; выйдя замуж и войдя в русскую среду, по-польски она не говорила. Хотя для русских фамилия Британишского звучит на польский лад, сам он всегда говорит, что Польшу и ее поэзию подарила ему только жена. Благодаря ей — а потом чтению литературы — он выучил польский язык.

Очень родной и польский раздел в лирике Британишского — его виленские стихи. Снимаю здесь с них кавычки — таково название созданного им цикла, — чтобы отметить его очарованность Вильно-Вильнюсом, которая овладела им в 80-х годах, уже зрелых в поэтическом и переводческом отношении. Польский раздел этой очарованности сосредоточивается, ясное дело, на Мицкевиче, о котором он неоднократно писал и силу воздействия которого хорошо знает (в триптихе «Молодой Мицкевич» он даже использует тринадцатисложный стих с цезурой, которым написан «Пан Тадеуш»). В лирических стихах о Вильнюсе радуется роскошь барокко, но «город возлюбленный, скачущий по холмам, / перепрыгивающий пригорки», — для него как родовая книга, в которую поколениями не заглядывали, книга, впервые открытая дальним потомком. Он испытывает радость невесты из «Песни Песней», так как здесь корни Британишских, в городских архивах XIX века найдется немало тому свидетельств.

Чтобы дать почувствовать предвкушение «генеалогического» оживания города под пером поэта, возвращаю кавычки «Виленским стихам» и привожу фрагмент из них:

Я люблю этот город и землю эту, Литву,
и все города в ней,
и костями погибших вскормленную траву,
и надгробные камни.
Я чужой человек, не живет здесь моя родня,
что было, сплыло.
Но все кажется мне: этот город встречает меня,
будто блудного сына.

Такой образ поэта — царскосельский и виленский — был бы очень неполным. На других путях искал он себе места в российской поэзии. Стихи не были пронизаны эмоциями, скорее наоборот, холодностью и иронией. Взять хотя бы стихотворение «Какая акустика в космосе!..»:

Какая акустика в космосе!

Крикнешь однажды —

а пространство звучит и звучит

вечно...

Или окончание стихотворения «Молния ударяет...» о том, как молния в окрестностях Архангельска уничтожила деревянную церковку:

Греки считали громовержцем

Зевса,

архангельские крестьяне —

Илью Пророка.

Но когда эту церковь,

эту наивную юную девушку,

которая протягивала руки к солнцу,

убило молнией,

это не могли быть ни Илья, ни Зевс —

только безголовая электрическая утроба

космоса.

Однако и такой портрет Британишского не является исчерпывающим. Поэт погружен и в историю. В историю России. В советские времена авторы нечасто пользовались историческим материалом (а если и пользовались, то это становилось игрой: с цензором — намеками, с читателем — тем, что читается между строк). Кровавую человеческую историю заменяла география, со своим нечеловеческим масштабом пейзажа, ужасом космической тишины, воем пурги, пыткой весеннего света после полярной ночи. Наступило время географии и родственных дисциплин: климатологии —

путешествий от горячих песков Кызыл-кума и Кара-кума до Северного полюса; геологии — экспедиций в сибирскую тайгу и далеко на север, за Полярный круг, в полярную ночь тундры, мороза и льда; океанографии и морских странствий — плаваний по Северному Ледовитому океану и впадающим в него величайшим рекам мира. Было это проявлением достаточно экзотических — если не сказать поразительных, просто нечеловеческих — усилий, что не могло не вызывать уважения к авторам. Если даже не за оригинальные и разработанные до совершенства подходы, то за свидетельство того, что они отважились там побывать. Однако, когда наступила перестройка, все стали заглядывать в историю, в основном новейшую.

Со свойственной ему холодностью и иронией заглянул туда и Британишский. Тут не место выяснять, сколько из этой иронии он почерпнул у переводимых им польских и англосаксонских поэтов (в этом году он издал сборник переводов из американских поэтов «От Уитмена до Лоуэлла», М., «Аграф», 2005). Даже если польские поэты, знающие его стихи, находят их близость к произведениям, например, Херберта, то такое сравнение ему не повредит (в прошлом году он опубликовал в «Алетейе» большое избранное Херберта). После сборника «Открытое пространство» (1980) он издал «Движение времени» (1985). Обращает на себя внимание сам переход — в названиях — от пространства ко времени. «Пространство заселяется людьми, насыщается временем — человеческим, а не космическим, — пишет во вступительной статье Адам Поморский. — (...) ...история русской культуры и ее абсолютно современная драма представлены в цикле портретов реальных, конкретных людей, выступающих под собственными именами». Судя по последнему сборнику «Петербург-Ленинград » (2003), поэт облюбовал себе начало XIX века в своем родном городе.

Для иллюстрации привожу «Жизнь Крылова. I. Дыра»:

Есть «молодой Крылов» и «дедушка Крылов».

Десятилетний между ними промежуток.

Не столь уж и велик разрыв, но чем-то жуток.

Безвременье. Дыра на рубеже веков.

Зло — это, в сущности, отсутствие добра,

как Августин учил. А стало быть, дыра —

не просто пустота, а гибель для живого

(...)

Крылов, по счастью, в той бездне не исчез.

Он пережил. Дожил. Дождлся. Он воскрес.

«Дней Александровых прекрасное начало»

его к поэзии и к жизни возвращало.

(...)

Животик отрастил. Но чувствовал спиной

ту бездну черную, тот ужас ледяной.

Можно ли представить поэта на основании пяти его стихотворений (в том числе двух фрагментов)? Не знаю, удалось ли мне это.

* * *

Из России в последнее время редко приходят в Польшу добрые политические и экономические вести. Тем более радует, что наша поэзия чувствует себя там неплохо. Чем она в значительной мере обязана Наталье Астафьевой и Владимиру Британишскому. Ибо поэзия — если она действительно поэзия, — не знает границ. Она не разбивается о политику и экономику. «Болящий дух врачует песнопенье» — писал Евгений Баратынский. И все чаще помогает она понять мир, прежде чем политики и экономисты сумеют выйти за пределы понятий, обросших проржавевшими государственными интересами и экономическими зависимостями. Может, в этом заключается ее очищающая сила? Ее катарсис XXI века?

Наталья Астафьева, Владимир Британишский. Двуглас. [Стихи]. Двухязычное издание. Предисловие Адама Поморского. М., «Прогресс-Плеяда», 2005.

1. Двухязычные издания в сегодняшней России уже стали традицией. Кроме упоминаемой далее у рецензента серии «Bilingua» издательства ОГИ следует особо упомянуть выходящие в издательстве «Радуга» сборники поэтической классики, где приводятся все существующие русские

переводы публикуемых произведений (так, в частности, изданы «Крымские сонеты» Мицкевича). — Ред.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В выходящем по понедельникам приложении к «Газете wyborчей» «Дужи формат» («Большой формат») (2005, №48) было напечатано интервью Анны Жебровской с Тадеушем Ружевицем, озаглавленное «Поэт знакомится с target'ом». Спрашивая о поэме «Tempus fugit» [«Время бежит», т.е. по-русски «Бег времени»], журналистка говорит, что «target латыни не знает». Оказывается, слово «target» для Ружевица загадка [осталось оно загадкой — кроме основного своего значения «цель, мишень» — и для переводчика этого обзора, несмотря на беглый просмотр найденного на эту тему в русском и польском Интернете]: «Я не знаю, что такое target... (...) Я думал, это такой английский писатель — Тарджет, о котором я не слышал... (Тадеуш Ружевиц записывает слово на газете, используемой в качестве подкладки.) Во всей книге лишь несколько латинских цитат, но мое поколение, которое старательно изучало латынь, вымирает. Так что пусть target читает «Страхи на ляхов». Действие этого произведения происходит в масленичный четверг в разных странах Европы и кончается понятно: «ав! гав?» Я писал это в масленичный четверг 2002 года». Дальше разговор идет уже посерьезней, но все-таки, пожалуй, не совсем всерьез: «Я всегда хорошо себя чувствовал в мастерских художников или скульпторов. Иногда я даже ночевал там, будил их ночью, потому что хотел узнать, что такое живопись. Охотно и хорошо говорил об искусстве Юрек Тхужевский. [Ежи] Новосельский рассказывал об ангелах полвека назад, когда китчеватых ангелов еще не продавали на каждом базаре. У него было свое богословие: «Это деликатные существа, иногда они вселяются в картины. Тадеуш, некоторые мои картины — это ангелы», — говорил он. Я смеялся: «Юрек, ты их видишь, потому что веришь в них. Я вижу только твою картину». А Марыся Яремянка вообще не хотела разговаривать о живописи с литераторами: «Слишком много болтаете!» — махала она рукой. (...) Гет Станкевич — это уже младшее поколение. Мы сделали вместе 15 объектов, я выдумывал, он преображал мои слова в плоть. (...) Мы выставили памятник лягушке и нос Шиллера. Мраморному Шиллеру из Щитницкого парка хулиганы отбили нос. Он лежал на блюдечке под фотографией памятника на фоне хора, поющего «Оду к радости» Бетховена на слова Шиллера... А еще я нарисовал на

гладкой стороны коры портрет Мадонны — той, что поет, играет в кино, пишет книги для детей... как же ее не увековечить?.. А еще была выставлена белизна».

Об истолковании стихов: «А зачем стихи истолковывать? У меня истолкование всегда заключено внутри стихотворения. Или в самом начале. Или в самом конце. Чего это вы смеетесь?.. Если в конце ничего нет, тогда это «ничего» должно истолковывать недописанный текст. Как тишина, которая наступает после музыкального исполнения. Она истолковывает сочинение лучше рецензентов, которые пишут, что Шуману, когда он сочинял музыку, являлись как-то видения и голоса. Шуман, пишут рецензенты, сошел с ума, и в результате написаны такие-то и такие-то песни».

И все-таки какой-то комментарий мы находим, хотя бы к стихотворению о белизне: «Белизна метафизична, мистична, и объяснять ее — пустое занятие. Она совершенна — так о чем говорить?»

И, обращаясь к общему с журналисткой опыту, Ружевич продолжает: «Вы же видели со мной в Третьяковке колхозников или жнецов Малевича. Я говорю это без иронии, он замечательно писал картины, великолепно оперировал цветом. Потом вдруг отбросил цвета, показал «Черный квадрат» [хронологическая ошибка: картины, упомянутые Ружевичем, Малевич писал в начале 1930-х, через полтора десятка лет после «Черного квадрата»]. После него появились белые квадраты на белом. Может, этот белый квадрат был для Малевича окончательным суммированием живописи? Как у Кейджа, знаменитого [американского] композитора... Джон Кейдж написал сочинение под названием «4 минуты 33 секунды» и велел оркестру на протяжении этого времени играть тишину. Он пришел к тому, что совершеннее всего в музыке молчание. Тишина». Ну, может быть, стоит вспомнить, что паузой начинается запись Пятой симфонии Бетховена...

В интервью есть еще немало интересных мнений, но, пожалуй, слишком «локальных», чтобы одарять ими читателя, далекого от польских дел. Впрочем, приведу еще один отрывок: «Нельзя жить одной мартирологией, правда? Кроме «Дзядов» и «Кордиана», есть еще ирония Норвида, есть «Девичьи обеты» и «Месть» Фредро. Без Фредро польская драматургия ходила бы на одной ноге. Я стараюсь ходить на обеих. Поэтому, кроме стихов о старости, в этом сборнике есть сатиры. Не такие, как сатиры Трембецкого, Рея или Кохановского, а написанные моим метром, моей формой. Например, в одно стихотворение я вставил рецепт: перечислил все лекарства, которые принимаю,

— и сам над этим посмеялся. (...) Сатирические стихи — это моя психическая форточка. Не думайте, что я выструган из одного куска дерева». И тут приходит в голову: а ведь у нас нет ни одного сатирического журнала — после 1989 г. были робкие попытки издавать что-то в этом роде, но сошли на нет. А жаль.

Жаль, потому что от этого многое теряет динамика интеллектуальной жизни. Это, кстати, заметил Станислав Лем в фельетоне «Шахматная доска без шахмат» («Тыгодник повсехный», 2005, №51). Очерчивая картину нашей литературной жизни и положение самой литературы, Лем пишет:

«Нет литературных еженедельников, литературные приложения к газетам практически не существуют. Последнее периодическое издание, хотя бы в некоторой мере служебное по отношению к литературе, — это «Тыгодник повсехный». Литературные журналы, похоже, выходят безмерно низкими тиражами — их трудно найти. Это касается и многих книг. (...) К тому же издательская технология настолько пошла вперед, что любой, у кого есть компьютер и принтер, может издать в ста экземплярах все, что хочет, особенно стихи. Стихов выходит страшно много, судя по тому, что получаю я (...). Над Польшей разорвался шар с самой молодой поэзией, да только на 95% она лишена всяких отсылок к прошлому. Ничто не возникает как продолжение или даже противопоставление. Как будто перестала существовать литература [межвоенного] двадцатилетия, а затем коммунистического сорокалетия, не говоря уже о более ранних эпохах. (...) Что расцвело? Хип-хопы, рэпы, распевы, даже бедного Броневского принялись распевать. У нас нет ржаного хлеба, и мы оказались в положении подданных Марии-Антуанетты, которая говорила: если у них нет хлеба, пусть едят пирожные. Пирожных, то есть поэзии, вагон и маленькая тележка. Огромное число адептов поэзии обоего пола, хотя у меня такое впечатление, что девчат больше (...). В пирожные я зачисляю и буйно расцветшие фэнтези и научную фантастику. Кто-нибудь скажет, что как раз мне это не должно быть чуждо — но чуждо.

Это не упреки отдельным молодым людям — я стараюсь в меру своих скромных знаний смотреть в целом. Мне почти нечего читать, с переводами дело тоже обстоит не лучшим образом. (...) Нам не хватает подрастающего поколения, обладающего мощной готовностью выходить за пределы страны. Поляки должны обращаться не только к полякам, но и к внешнему миру. У нас же, если современная тематика вообще появляется, (...) она ограничивается тем, что происходит в нашей стране, и

довольно резкой критикой капитализма и потребительства. Политики переходят всякие границы: не выполняют обещаний и т.п., — а народ все это хавает. Следовало бы писать о нашей действительности, пусть даже в публицистическом стиле, но это оставляют спецам из СМИ. Никто не хочет поднимать самые трудные темы. (...) С другой стороны, неизвестно, о какой Польше следует писать: о той ли посконной, восточной, или, например, о той, что мы видим на Познанской земле?

Можно, конечно, сказать: старый ворчун мелет чепуху, а в действительности все гораздо лучше. И верно, я постепенно готовлюсь тихо сойти в могилу, однако у меня такое впечатление, что если бы кто-нибудь из моих коллег, например мой друг [Ян Юзеф] Щепанский, дожил до наших дней, то и он тревожился бы точно так же. (...) На литературной шахматной доске стоят отдельные фигуры — слоны, лады, где-то сбоку ферзь, а то и король, несколько пешек, но их невозможно втянуть ни в какую игру: никто ни с кем не хочет играть в шахматы!»

Фельетон Лема связан с идущей уже несколько месяцев на страницах «Тыгодника повсехного» дискуссии о новой польской прозе. В этой дискуссии явно сталкиваются две позиции: первая, которая Лему, по-видимому, ближе, вписывает поиски писателей в традиционное понимание литературы как общественного служения; вторая подчеркивает ее право на (почти) неограниченную свободу выразительных средств и ставит ударение прежде всего на эстетические вопросы. На самом-то деле одно другого не исключает, и нет оснований стулья ломать, но, видно, время от времени нужны такие споры, появляющиеся в нашей литературной критике с регулярностью фаз Луны. Правда, только в отношении прозы, иногда — драматургии. Когда речь заходит о поэзии, мы, как Лем, можем жаловаться только на ее «перепроизводство». Об этом говорит в интервью «Газете wyborчей» (2006, №3) и один из самых компетентных ее знатоков, познанский профессор Петр Сливинский. В беседе, озаглавленной «Поэзия — наше национальное недомогание», обращаясь к лавине «поэзии», написанной после кончины Иоанна Павла II (кстати, тут следует обратить внимание на сборник стихотворений Кшиштофа Гонсёровского «Черные снежки. Перед лицом смерти Иоанна Павла II» — одно из тех поэтических свидетельств, которые стоит запомнить), Сливинский констатирует:

«Мы не устаем сочинять и декламировать стихи. Поэтому после смерти Папы настал такой урожай на поэзию. Хотя главным

образом — на «поэзию». Это знак, что мы безусловно переживали нечто великое и неповторимое. Стихотворение поднимает престиж переживаемой минуты. (...) Мы — общество рассыпанное. В обычные дни нам трудно объединиться вокруг рядовых дел. Нас легче собрать вокруг чего-то великого и не повседневного. (...) Стихотворение, т.е. форма, издавна закреплённая за вещами возвышенными, не существовало бы, если бы не было читателя. А читателя — в огромных масштабах — обеспечивает Интернет. При этом надо помнить, что не каждое сочинение, помещённое в Интернете и претендующее на звание стихов, — это действительно стихи. Подавляющее большинство — просто стихоподобные сочинения, изливание накопившихся чувств сочинителя».

Ну что ж, уже довольно давно один из моих старших товарищей, многолетний редактор литературного журнала, помог мне понять, что существуют четыре области человеческого опыта, порождающие разлив графомании: любовь, религия, политика и смерть. Да и что в том плохого, что люди пишут? Я бы даже сказал: не только ничего плохого, но и крайне утешительно. Между тем поэтов у нас по-прежнему в избытке. Сливинский говорит: «Размах этого огромен. Помню, например, как меня пригласили (...) на местный — казалось бы — конкурс поэтов (...). Мы уже почти договорились, когда организаторша мне сказала: «Только знаете, там надо будет прочитать больше семи тысяч стихотворений». Столько было прислано! На малоизвестный конкурс!»

Говоря о «профессиональной» поэзии (сам я боюсь этого определения: что собственно оно должно значить?), Сливинский замечает, что в противоположность авторам, продолжающим традиции авангарда, мало последователей у «доступной» поэзии, такой, например, как у покойного о. Яна Твардовского: «Это хорошая поэзия, но утешительная. Молодые боятся так писать, чтобы не нарваться на упрек, что они-де конструируют поэтический кукольный театр».

А отвечая на вопрос, действительно ли поляки — «нация поэтов», профессор возражает: «Отнюдь нет! Если бы мы читали поэзию не от случая к случаю, покупали сборники стихов — вот тогда можно было бы о нас говорить как о нации поэтов. Но повторяю: поэзия — это тот язык, к которому мы обращаемся лишь в великие минуты. Мы скорее нация виршеплетов. Я смотрю на все эти интернет-форумы поэтов, хожу на встречи с разными сочинителями, наблюдаю, как создаются все новые поэтические группы. В последние

несколько лет это происходит в поистине огромных масштабах. И я прихожу к выводу, что фактически имеет место нечто беспрецедентное. (...) Люди переживают кризис иллюзий. Разочарование окружающей действительностью осаждает и гнетет. И они ищут прибежища в поэзии. Еще в начале 90 х годов XX века казалось, что все будет замечательно. «Боги экономики» обеспечат всем работу и изобилие всяческих благ. Но все оказалось иначе. И теперь у нас происходит культурная революция. Те, кто еще недавно щеголял в униформе уирриес и красных подтяжках маклеров, разочарованные капитализмом, возвращаются к поэзии. Я вам скажу: у нас идет великая вспышка обобществленного — иначе говоря, массового — романтизма. И это радует. (...) Это чисто польский феномен. Может, еще в России к стихотворной речи относятся с таким вниманием. И в Ирландии. Ну и в американских университетах. Но там это происходит издавна. А у нас — нечто беспрецедентное. Еще несколько лет назад казалось, что у поэзии и поэтов в современном мире нет никаких шансов. Погоня за бренными благами — назовем это так — совершенно не оставляла времени на чтение и сочинение стихов. Теперь всё наоборот. Мы приникаем к поэзии, позволяем себе этот исключительный жест. Пишущих и читающих он выделяет особым позитивным образом. Речь идет не о задирании носа, а скорее о том, что люди отмежевываются от коммерции. Когда-то, в 80 е годы, это выделяло музыкальные движения, например панков».

Любопытно, как ученый муж помещает младопоэтическое движение в рамки социального контекста. Что-то мне тут напоминает лозунг о бытии и сознании. Признаюсь, что такое наделение поэзии ролью «антикапталистической силы» меня слегка забавляет. Но только слегка. В конце концов, написал же Милош в «Поэтическом трактате», что «все поэты в Польше — как барометр». На этих страницах мы печатали архивеликолепную поэму Юлиана Тувима «Бал в Опере» — замечательное свидетельство тех времен, когда она была написана: динамичная, «с нервом», социально и политически агрессивная. Если профессор Сливинский прав, то, быть может, вскоре мы дождемся чего-либо подобного — чего-то, написанного со страстью и талантом. Не исключено, что target'у эта поэма была бы интересна.

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• Как мы уже писали, 18 января на 92 м году жизни скончался отец Ян Твардовский, замечательный поэт, человек, пользовавшийся необыкновенным авторитетом и симпатией современников. «Будем надеяться, что в небесном отечестве поэтов ценят не меньше, чем мы ценим твои стихи, — сказал в проповеди во время заупокойной литургии архиепископ Юзеф Жицинский. — Он открывал нам христианство евангельской красоты, простоты, детской доверчивости. В восхищении простотой и красотой выражалась его любовь к Богу, к человеку, к Церкви. Он никогда не использовал авторитет Евангелия в тактических играх политиков (...) никогда не стращал еврейским заговором или апокалиптической картиной будущего. Может быть, одна из тайн его влияния заключалась как раз в том, что он ставил Евангелие Нагорной проповеди, обращенное к незащитным и бессильным мира сего, выше простых лозунгов очередных политических утопий». В похоронной процессии шли сотни варшавян, которые хотели воздать последние почести замечательному поэту, человеку с большим сердцем.

• «Письма писателям» Эдварда Стахуры, подготовленные к печати Дариушем Пахоцким, напоминают о личности поэта и писателя, признанного когда-то бардом своего поколения. В связи с появлением этой книги Кшиштоф Маслонь пишет: «У поэта, который ничего не достиг, а все, что имел, — раздал, было аутсайдерское отношение к жизни. Он странствовал без определенной цели с котомкой за спиной, в которой было все необходимое: бутылка вина, выпитая в придорожной канаве, детское восхищение тем, что солнце светит, а деревья дают тень (...) Сегодня очевидно, что в свое время воображение молодежи поразил именно образ жизни ее кумира, сыгравший решающую роль в идолопоклонническом отношении к творчеству Стахуры. Из бездомности, бродяжничества можно было сварганить что-то вроде философии (...) Нелегко остаться равнодушным и к многолетнему флирту Стахуры со смертью. «Я жил, в глаза заглядывая смерти», — написал поэт и подкрепил эти слова делом». Эдвард Стахура покончил жизнь самоубийством в 1979 году.

• «Славомир Мрожек» — так называется альбом, включающий 50 фотографий одного из самых выдающихся современных польских писателей. Рассказывая о трех годах работы над книгой, фотограф Анджей Новаковский сказал: «Я познакомился с Мрожеком — пессимистом. Но это необыкновенно мудрый пессимист, полностью смирившийся с бренностью всего сущего». В качестве комментариев к фотографиям в альбоме приводятся цитаты из произведений Мрожека. (См. беседу с писателем и автором фотоальбома на стр. 24)

• Вышел новый роман Эдварда Редлинского «Телефрения». Как пишет рецензент, «можно назвать его беллетризацией известного утверждения, что действительность не существует, ибо исчезла разница между реальностью и фантазией: вымысел растворился в жизни, а жизнь — в вымысле». Кульминация книги — реакция варшавской улицы на смерть Иоанна Павла II. «Устами своего героя Редлинский задает основополагающий вопрос: «Неужто все это происходит на самом деле?» — пишет далее Дариуш Новацкий. — До этого момента Анджей К. жил жизнью звезд, о которых пишет желтая пресса, и чувствовал себя счастливым только в мире, полностью созданном СМИ. Можно ли назвать смерть Папы явлением того же порядка? — несколько провокационно вопрошает автор «Телефрении». Однако, заключает рецензент, «все это лишь карикатура, набор шуточек, которые мало кого трогают». Только вот прав ли он?

• Об иллюзорности существования мира размышляет и Магдалена Тулли («Сны и камни», «В красном») в своей последней книге «Изъян». «Изъян», — пишет Артур Мадалинский, — это похвала недолговечности, случайности и непредсказуемости мира. Не только книжного, литературный характер которого автор непрестанно подчеркивает, но и реального (...) Созданные Магдаленой Тулли прозаические композиции пленяют герметической холодностью совершенства, присущей самым важным в истории литературы текстам». А Марек Залесский утверждает: «Никто так, как Тулли, не позволяет надеяться, что литература не отреклась от своего призвания и намерена дальше судить видимый мир, но никто так, как она, не лишает нас иллюзий, что это все еще возможно (...) В этом романе нет морали, но есть скрытый оптимистический урок: пока слова находятся в движении, гибель не наступит».

• В списке прошлогодних книжных бестселлеров все первые места занимают 20 книг об Иоанне Павле II (или его авторства).

Они разошлись рекордным тиражом — в общей сложности почти 3 млн. экземпляров. Об остальных бестселлерах пишет, подводя итоги года, Анджей Ростоцкий: «В 2004 г. на престол польского популярного романа взошла Катажина Грохоля (...) и ничто не предвещает ее свержения. Последний роман Грохоли «Личность ночной бабочки» вышел уже в ее собственном издательстве (...) Пятинедельное присутствие на книжном рынке «Лягушки», очередного тома «Ежикиады» Малгожаты Мусерович, обеспечило ей впечатляющие показатели сбыта и второе место в списке (...) Поклонники Виславы Шимборской дождались нового сборника ее стихов. Несколько недель ноября и декабря хватило, чтобы «Двоеточие» попало в список бестселлеров года». В категории документальной литературы хитом стал политический памфлет Вальдемара Лысяка «Республика лжецов. Салон», направленный против бывшей демократической оппозиции.

- Между тем в Польше все динамичнее развивается рынок аудиокниг на компакт-дисках, где текст читают актеры или сами авторы. Такие книги пользуются все большей популярностью — например, их заказывают поляки, живущие за границей. А слушают их в самых разных ситуациях, прежде всего за рулем автомобиля. В последнее время были изданы записи фельетонов Иоанны Щепковской, приключения Гарри Поттера, «Код Леонардо да Винчи», а также многие произведения польской классики. Однако этому новому виду книг уже дышит в спину интернет-услуга, которая, вероятно, вскоре захватит рынок небумажных книг и в Польше.

- «Уже много лет подряд Театр телевидения сталкиваются на обочину, — пишет Яцек Цесляк о программе, которая когда-то была визитной карточкой Польского телевидения. — Все началось с того, что театральную редакцию лишили самостоятельности. Ее существование зависит от директоров каналов, так как именно они платят за съемки и эфир». А для директоров каналов важнее всего зрительский рейтинг. Между тем Театр телевидения может рассчитывать в лучшем случае на каких-нибудь 2–2,5%. Правда, это почти миллион зрителей, т.е. больше, чем в состоянии собрать в течение года все польские театры вместе взятые. «Нам нужно подготовить настолько привлекательную программу, чтобы каналы захотели представлять ее как можно чаще, — говорит недавно назначенная руководителем телевизионной сцены Ванда Звиногородская. — Думаю, что если нам удастся вернуть потерянную в последние годы публику, директора каналов отнесутся к театральным представлениям более благосклонно (...) Я не занимаюсь большой политикой, но верю, что, как бы

ни сложилась судьба телевидения, такая ценность, как телетеатр, не будет утрачена».

- Однако пока в СМИ преобладают жаркие политические дискуссии (в таких программах, как «Что происходит с этой Польшей?» Томаша Лиса или «Дебаты» Камиля Дурчока), а в последнее время необыкновенно актуальной стала проблема радио «Мария», отпраздновавшего свое 14 летие. Несмотря на то, что эту радиостанцию неоднократно критиковали церковные власти, а либеральная пресса осуждала ее за ксенофобские высказывания, ее дела идут все лучше. Между тем многие епископы заявляют, что «Церковь ни в коем случае не может связывать себя с определенными, и к тому же крайними политическими силами (...) Евангельское служение Церкви обращено ко всем людям, поэтому ее слишком односторонняя связь с отдельными политическими группировками может поставить это служение под угрозу». Впрочем, это не помешало создателю радио «Мария» о. Тадеушу Рыдзыку основать еще и телеканал под названием «Трвам». Судя по всему, он сумеет отразить все атаки.

- На самый высокий зрительский рейтинг могут рассчитывать польские сериалы. На государственном телевидении наибольшую популярность завоевал сериал «Л как любовь», порой собирающий перед экранами 11-12 млн. человек. Недавно Польское телевидение подписало с российской компанией «Амедиа» договор о продаже этого формата в Россию. «Надеюсь, что приспособить наш сериал к российским реалиям будет не так трудно, как адаптировать некоторые западные лицензии в Польше», — сказала автор сценария Илона Лепковская.

- Завершились съемки 12 получасовых телевизионных документальных фильмов, создававшихся под девизом «Поляки о России, русские о Польше». Их авторы — молодые режиссеры, недавние выпускники киношкол. «Сегодня Польша и Россия отделены друг от друга барьером стереотипов, пропаганды, исторических претензий, — пишет Тадеуш Соболевский. — Наши представления о России все еще омрачает комплекс навязанной польско-советской дружбы. К участию в проекте «Польша — Россия» были приглашены люди, у которых этого комплекса уже нет». Молодые кинематографисты искали свои темы сами, не будучи связаны никакой заранее установленной программой. Их фильмы покажут в течение этого года ТВП1 и «ТВП Культура» в Польше и канал «Культура» в России.

- В рамках совместного проекта студенты Школы кинорежиссуры Анджея Вайды и Кельнской международной киношколы сняли 12 короткометражных фильмов. Шесть из них посвящены польскому городку Гура-Кальвария, а остальные шесть — немецкому Леннепу. «Вопреки расхожему мнению, не каждый человек может быть героем документального фильма, — комментирует работы студентов их руководитель Марцель Лозинский. — В хорошем герое должно быть что-то такое, благодаря чему зритель обнаружит в нем хотя бы маленькую частицу самого себя, что-то, что пробудит в нем настоящие эмоции». Проект, названный «Reflection», возник в рамках польско-немецкого года. Премьера 12 студенческих фильмов состоялась на Берлинском кинофестивале.

- В Париже на 84-м году жизни умер Валериан Боровчик. Первые успехи ему принесли плакаты и замечательные анимационные фильмы, созданные совместно с Яном Леницей. В 1959 г. Боровчик уехал во Францию. После этого он еще некоторое время снимал анимационные фильмы, затем перешел к художественным (в частности, во Франции он снял «Аморальные истории», а в Польше — «Историю греха»), чтобы в конце концов стать величайшим мастером художественного эротического фильма. На все нападки он отвечал так: «Эротика, секс — это одна из самых моральных сторон жизни. Эротика не убивает, не уничтожает, не склоняет ко злу, не толкает на преступление».

- Выставка, подготовленная Лодзинским музеем киноискусства к 10-летию со дня смерти Кшиштофа Кеслёвского, будет показана на Берлинском кинофестивале. Затем она объедет Германию, Австрию, Венгрию и Голландию и вместе с другой выставкой, посвященной режиссеру, завершит свой путь в Париже.

- Американский режиссер Дэвид Линч, бизнесмен и архитектор Анджей Вальчак и директор Международного фестиваля операторского искусства «Camerimage» Марек Жидович основывают в Лодзи фонд «Мировое искусство». Его штаб-квартирой должно стать здание старой теплоэлектростанции в центре города. «В большом зале будут проводиться фестивали и конгрессы (...) Найдется место и для таких культурных институтов, как музей искусства, библиотека, кинотеатры, музей техники», — говорит о создаваемом центре Марек Жидович. Однако прежде всего фонд создается для популяризации мирового искусства (на первых экспозициях представлено немецкое, русское, еврейское и американское

искусство), а само здание заинтересовало кинематографистов и операторов как место творческих экспериментов. «В межвоенный период творчество художника Владислава Стшеминского и скульптора Екатерины Кобро окрылило Лодзь в художественном отношении. Теперь подобную роль может сыграть центр Линча», — сказал вице-президент Лодзи.

• О положении в польской архитектуре говорит социолог Рафал Дроздовский: «Строят мало. А там, где мало событий, появляется нечто вроде сверхчувствительности к инвестициям, своего рода «невроз вкуса». Люди начинают бояться экспериментов». Поэтому возражения вызывают прежде всего попытки соединить современную архитектуру со старинной. Каков же диагноз? «В Польше большинство памятников архитектуры принадлежит государству или местным органам самоуправления, которые не склонны к революционным действиям», — считает архитектурный критик. Несколько иначе смотрит на это автор красивого, но «бунтарского» проекта расширения Познанской оперы Ежи Гуравский: «Как общество мы еще эстетически не повзрослели. Господствует тяжелый бюргерский вкус, этакий современный бидермейер. Простота и умеренность кажутся полякам неубедительными (...) Между тем новые, скромные и чистые формы обращают внимание на старое здание, подчеркивают его значение, но не подражают ему». Пока что наибольших успехов удалось достичь в области возрождения старых промышленных объектов — достаточно упомянуть тот же лодзинский Центр искусства, варшавский музей Варшавского восстания или познанскую «Старую пивоварню». «Если этот [подход к архитектуре] получит одобрение, то, быть может, его положительный пример склонит инвесторов и власти к тому, чтобы более смело соединять старое с современным также в других зданиях и публичном пространстве».

• Лауреатом премии им. Александра Гейштора, присуждаемой за охрану польского культурного наследия, стал проф. Кшиштоф Казимеж Павловский, заместитель председателя Польского национального комитета Международного совета по охране памятников и исторических мест. Премия была присуждена ему «за деятельность, способствующую ревалоризации памятников архитектуры польских городов, в частности за ходатайство о признании варшавского Старого города выдающимся достижением реставрационного искусства и внесении его в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, а также за инициативу создания Фонда реставрации и ревалоризации архитектурных памятников Варшавы».

• В январе минул год со дня смерти Яна Новака-Езёранского, человека, который всю свою жизнь посвятил благу Польши. «На протяжении четверти века он поддерживал в эфире [радиостанции «Свободная Европа»] свет надежды, — пишет о нем Яцек Курский. — Он дождался независимости, ввел Польшу в НАТО, триумфально вернулся на родину после 57 лет изгнания, ходатайствовал о нашем вступлении в ЕС. Он с гордостью говорил о достижениях последних 15 лет. Его приводили в ярость пессимизм и преуменьшение наших успехов. Он считал, что самая большая опасность для поляков — сами поляки или, скорее, их наследственные черты. Он говорил: «Я боюсь польского гипертрофированного индивидуализма, того, что каждый поляк — это министр без портфеля (...) Я боюсь нашего характера, который свободу превращает в анархию, и боюсь анархии, которая ведет к гибели государства. Моя главная забота — это чтобы поляки выдержали свой собственный успех, одержали победу над самими собой». Он был одним из последних польских авторитетов поколения, пришедшего на свет на пороге Второй Речи Посполитой».

• В этом году исполняется 100 лет со дня рождения Ежи Гедройца, одного из отцов современной польской политической мысли, умершего в сентябре 2000 года. Объявленный недавно Год Гедройца — еще одно напоминание о заслугах создателя парижской «Культуры». Одним из первых мероприятий в рамках этого Года стала выставка в музее польской эмиграции, посвященная феномену человека, на протяжении многих лет руководившего легендарным журналом. Девизом выставки стали слова самого Гедройца: «Для меня эмиграция — это борьба. Не за сохранение того, что было, а за определенные принципиальные вопросы. Для меня таким принципиальным вопросом была независимость Польши».

СООБЩЕНИЕ ИНСТИТУТА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ ПО ВОПРОСУ О КАТЫНСКОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ

28 февраля 2006 г. Институт национальной памяти получил переданное через польское посольство в Москве письмо Главной военной прокуратуры Российской Федерации от 18.01.2006 с изложением ее позиции по вопросу о возможности распространения закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991 (с изменениями от 22.12.1992) на жертвы катынского преступления.

С середины девяностых годов польское посольство зарегистрировало десятки запросов польских граждан — членов семей жертв катынского преступления, на которые российская сторона отвечала, что эти запросы могут быть рассмотрены только после окончания следствия, проводившегося Главной военной прокуратурой. Российское следствие было прекращено 21.10.2004 (так в тексте, в действительности 21.09.2004. — Пер.). Несмотря на запросы, польской стороне не был открыт доступ к его материалам. Российская сторона обосновала свою позицию тем, что большинство из более чем 180 томов следственного дела, а также постановление о его прекращении содержат гриф секретности.

В письме от 23.11.2005, направленном в польское посольство, российская прокуратура отказалась предоставить постановление об окончании следствия вдове расстрелянного в Катыни польского офицера, а в письме от 18.01.2006 объяснила причины, по которым данный офицер «и другие не могут быть реабилитированы по указанным основаниям». Эта прецедентная позиция опирается на утверждения, что закон «о реабилитации (...) предусматривает реабилитацию лиц, которые были подвергнуты репрессиям по политическим мотивам» (подчеркнуто в оригинале письма). Далее утверждается, что «между тем, в ходе предварительного следствия по данному уголовному делу, к сожалению, не было установлено, на основании какой статьи Уголовного кодекса РФ

(в редакции 1926 г.) были привлечены к уголовной ответственности указанные лица, так как документы были уничтожены».

Позиция Главной военной прокуратуры Российской Федерации находится в отрыве от содержания распоряжения от 05.03.1940, подписанного Сталиным и членами Политбюро ВКП(б), в соответствии с которым было совершено катынское преступление. В распоряжении указано, что поляки, содержащиеся «в лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западной области Украины и Белоруссии (...) являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю». Поэтому было предложено дела этих «закоренелых, неисправимых врагов советской власти», как «находящихся в лагерях военнопленных 14.700 человек (...), так и дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11.000 человек (...) рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела». В решении Политбюро было поручено НКВД СССР провести «рассмотрение дел без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения».

Содержание процитированного решения от 05.03.1940 однозначно и вне всякого сомнения указывает, что катынское преступление было актом самых тяжелых политических репрессий. Поэтому аргумент Главной военной прокуратуры Российской Федерации, что для подобного утверждения необходимым является установление, на основании какой статьи российского Уголовного кодекса 1926 г. убитые поляки «были привлечены к уголовной ответственности», находится в логическом противоречии с указанным в решении Политбюро способом совершения этого преступления — без предъявления намеченным жертвам каких бы то ни было обвинений, основанных на положениях российского уголовного кодекса, а также без решения об окончании следствия и без обвинительного заключения.

Такая позиция Главной военной прокуратуры Российской Федерации, по сути дела, закрывает дорогу для выработки с прокурорами Института национальной памяти совместных, согласованных определений и правовых оценок катынского преступления. Отказ распространить положения закона о реабилитации на жертвы катынского преступления и представленное прокуратурой обоснование такой позиции могут быть восприняты как унижение польских жертв и

оскорбление чувств живущих членов их семей. Удивительно, что документация российского следствия по катынскому делу 1940 г. остается секретной в 2006 году. Поэтому ИНП обращается к Главной военной прокуратуре Российской Федерации с призывом рассекретить все документы следственного дела, а также завершающее постановление о его прекращении.

В данной ситуации главной целью польского следствия — наряду с выявлением всех живущих членов семей расстрелянных поляков, которым полагается статус пострадавших от катынского преступления, — является формулировка и детальное обоснование оценки этого преступления в исторических и правовых категориях.

Для Польши оценка катынского преступления всегда будет критерием правды и доброй воли в польско-российских отношениях.

Д-р Януш Куртыка, председатель Института национальной
памяти

Проф. Витольд Кулеша, директор Главной комиссии по
расследованию преступлений против польского народа